

The book cover features a dark blue background with a subtle, repeating geometric pattern. It is adorned with vibrant, stylized illustrations of tropical flowers, including Bird of Paradise and lily-like blooms, in shades of orange, yellow, and blue. A golden snake with a dotted trail winds its way across the cover, framing the title. The author's name is at the top, and the title is in large, ornate gold letters. Below the title is the subtitle, and at the bottom is a tagline.

АЯНА ГРЕЙ

ХИЩНЫЕ ТВАРИ

ОХОТА
НАЧИНАЕТСЯ

Магия
страшнее любого
монстра

Хищные твари

Аяна Грей

Хищные твари. Охота начинается

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Грей А.

Хищные твари. Охота начинается / А. Грей — «Эксмо»,
2021 — (Хищные твари)

ISBN 978-5-04-192970-1

Бестселлер The New York Times! Экранизация от Netflix. «Лучшее фэнтези» по версии журналов Kirkus и Parade и премия YALSA Best Fiction for Young Adults 2022. «Хищные твари» – африканское фэнтези о поиске свободы, принятии собственных страхов и том, как важно помнить собственные корни. Шестнадцатилетняя Коффи работает в Ночном зоопарке. Она ухаживает за экзотическими животными, чтобы выплатить долги своей семьи. Однажды, когда жизни ее матери грозила опасность, Коффи пробудила внутри себя древнюю волшебную силу. Экону суждено пойти по стопам своего отца и стать элитным воином. Но его планы рушатся, когда в ночь обряда посвящения он встречает жуткое чудовище Шетани. К счастью, его спасает Коффи, которая при помощи своей силы смогла отпугнуть зверя. Чтобы поймать этого монстра, угрожающего всему живому, Экону и Коффи придется объединиться и отправиться в Великие джунгли – дикий и смертоносный мир, наполненный древней магией. Для поклонников книг «Песнь призраков и руин», «Железная Вдова» и «Проклятие тигра». «Это превосходно! История, полная эмоций и волшебства». – Рошани Чокши, автор романа «Звездная королева» «Восторг! Я редко влюбляюсь в персонажей так же быстро, как я влюбилась в Коффи и Экона». – Шеннон Чакраборти, автор бестселлера «Латунный город» «Вас ждут головокружительные сюжетные повороты, нескончаемый экшен и незабываемые персонажи, за которыми вы проследуете на край света». – Маргарет Роджерсон, автор книги «Магия шипов»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-192970-1

© Грей А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Запретный плод. Адия	7
Часть I. Если лев рычит, он не набросится	11
Глава 1. В хорошем настроении	11
Глава 2. От корня	17
Глава 3. Ничтожное сопротивление	23
Глава 4. Вера и стойкость	30
Удивительные вещи. Адия	36
Глава 5. К звездам	39
Глава 6. Цвет полуночи	44
Глава 7. Ритм и мелодия	50
Глава 8. Знаток судеб	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Аяна Грей

Хищные твари. Охота начинается

Посвящается корням дерева, на котором распустился цветок

Ayana Gray

BEASTS OF PREY

Text copyright © 2021 by Ayana Gray

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Запретный плод. Адия

Папа говорит, что после полуночи случается только нехорошее, но мне лучше знать.

Я задерживаю дыхание, приоткрываю входную дверь, радуюсь, что она не закрипела, и наслаждаюсь вечерним ветерком, касающимся кожи. В этот поздний час у него отчетливый запах – острая смесь ароматов озона и сосны. Я оглядываюсь через плечо. В соседней комнате родители почти уснули: мама тихонько посапывает, папа громогласно храпит. Их легко представить – два коричневых тела, прижавшихся друг к другу под потрепанным одеялом, оба уставшие после того, как трудились весь день, собирая урожай на поле. Я не хочу их будить. Быть может, в своих спокойных снах они видят дочь другой – ответственной девушкой, а не беглянкой, ускользающей из дома. Иногда мне хочется, чтобы я и *правда* была этой ответственной девушкой. Я медлю еще немного, а затем выхожу в объятия ночи.

Снаружи не холодно и не жарко, тяжелые серые тучи над головой предвещают сезон дождей, но Лкосса по-прежнему купается в серебристом лунном свете – и этого для меня более чем достаточно. Я пробираюсь по пустынным дорогам, перебегая между пятнами света от уличных факелов, и молюсь, чтобы не встретить патруль Сынов Шести. Вряд ли у меня будут проблемы, если я попадусь этим посвященным воинам нашего города, но они почти наверняка заставят меня вернуться назад, а этого я не хочу. Это редкое удовольствие – гулять здесь, не слыша шепота, следующего за мной по пятам. И есть еще одна причина, по которой я не хочу возвращаться домой: меня ждет Дакари.

Пробираясь на север, я замечаю, что город повсюду украшен новыми знаменами. Они оплетены зелеными, синими и золотыми шнурами: зеленый обозначает землю, синий – море, а золотой – богов. Некоторые из них болтаются на бельевых веревках, тонкие и почти протертые, другие криво прибиты к дверям скромных построек из глиняного кирпича, не слишком отличающихся от той, где живу я. Это приятная традиция. Через несколько часов, как только солнце взойдет снова, граждане соберутся, чтобы узреть Связывание – священный день, когда мы прославляем нашу связь с богами этой земли. Торговцы будут предлагать с лотков амулеты для благочестивых граждан и раздавать детям мешочки риса, который нужно будет разбрасывать. Недавно назначенный Кухани будет предлагать храмовые благословения, а музыканты заполнят улицы нестройной симфонией. Зная маму, думаю, она пожарит сладкий картофель, сбрызнет его медом и присыплет корицей – как всегда по особым случаям. Папа, наверное, удивит ее маленьким подарком, на который он копил, а она наверняка скажет ему, что не стоило. Я игнорирую легкий укол в груди, который ощущаю, когда думаю о Тао – заглянет ли он к нам в гости, как обычно делает по праздникам? Не уверена, появится ли он на этот раз: в последнее время мы с ним не разговаривали.

Город уже погружается во тьму, когда я достигаю его границы – земляной полосы шириной в несколько метров, которая отделяет Лкоссу от первой из громадных черных сосен Великих джунглей. Кажется, будто деревья наблюдают за моим приближением с извечным вниманием, невозмутимые, как и богиня, которая, по слухам, обитает среди них. Не каждый рискнет отправиться сюда – некоторые считают, что в джунглях небезопасно, – но я не против рискнуть. Я в предвкушении осматриваю открытое пространство вокруг и чувствую разочарование, когда понимаю, что одна. Дакари сказал встретиться с ним на этом самом месте после полуночи, но его здесь нет. Может, он опаздывает, может, решил не...

– Певчая птичка.

Сердце сбивается с ритма, когда я слышу знакомое прозвище, и лицо заливает жар, несмотря на вечернюю прохладу. Человеческая фигура отделяется от одной из ближайших сосен и выходит на более освещенный участок.

Дакари.

Трудно различить в ночи все детали, но воображение прекрасно заполняет пробелы. Половина лица, озаренная лунным светом, четко очерченная челюсть, покатые широкие плечи. Он выше меня, строен и худощав, как бегун. Его золотисто-коричневая кожа на несколько тонов светлей моей, а волосы, черные как вороново крыло, выстрижены по бокам головы, но оставлены на макушке. Он выглядит как бог, и, судя по насмешливой улыбке, он это понимает.

За несколько уверенных шагов он преодолевает расстояние между нами, и воздух вокруг меня тут же заполняется его запахом: сталь, грязь и кожа – он подмастерье из кузнечного района Кугуши. Он окидывает меня взглядом – и он явно впечатлен.

– Ты пришла.

– Разумеется. – Я стараюсь, чтобы голос звучал расслабленно. – Мы договорились сразу после полуночи, так ведь?

– Так. – Его усмешка звучит тихо, почти мелодично. – Так ты готова увидеть сюрприз?

– Шутишь? – Мой смех звучит как эхо его собственного. – Я ждала этого весь день. Лучше бы это того стоило.

– О, оно того *стоит*. – Внезапно его лицо становится серьезнее. – А теперь *пообещай* мне держать это в тайне. Я никогда не показывал никому больше.

Это меня удивляет. Дакари, в конце концов, привлекателен и популярен, у него полно друзей. И подруг тоже.

– Хочешь сказать, вообще никому?

– Нет, – тихо отвечает он. – Это и правда мне дорого, и... думаю, я просто никогда никому по-настоящему не доверял.

Я тут же выпрямляюсь, надеясь, что так буду выглядеть старше, как девушка, которой *можно* доверять.

– Я никому не скажу, – шепчу я. – Обещаю.

– Хорошо. – Дакари подмигивает, обводя рукой пространство вокруг. – Тогда не будем откладывать. Вот оно!

Немного подождав, я растерянно хмурюсь. Руки Дакари вытянуты, будто он вот-вот взлетит, на его лице застыло торжество. Ему явно нравится то, что он видит, но я не вижу вообще ничего.

– Ну... – Через несколько неловких секунд я осмеливаюсь нарушить тишину: – Извини, я что-то пропустила?

Дакари смотрит на меня, в его глазах пляшет восторг.

– Хочешь сказать, ты не чувствуешь, как сияние окружает нас?

Когда слова срываются с его губ, я чувствую гул где-то глубоко внутри. Словно кто-то тронул струну *кóры*¹ и ее звук отдается во всем теле. И тогда я, конечно, понимаю: чужаки называют это *магией*, а мой народ – *сиянием*. Я не вижу его, но чувствую – вдоволь, – оно движется под землей, будто волны, разбегающиеся по пруду. Здесь его намного больше, чем я когда-либо ощущала, тренируясь с другими дараджами на площадке перед храмом.

– Как?... – Я боюсь даже пошевелиться, чтобы не разрушить это странное чудо. – Как получилось, что здесь его *так* много?

– Это редкое природное явление случается раз в столетие. – Глаза Дакари закрыты, будто он с наслаждением вкушает запретный плод. – Вот почему день Связывания такой особенный, Певчая птичка.

Я потрясенно осматриваюсь.

– Я думала, Связывание – это просто символ, день, когда мы почитаем...

Дакари качает головой:

¹ Кóра – струнный щипковый музыкальный инструмент с 21 струной, распространенный в Западной Африке. По строению и звуку кора близка к лютне и арфе. (Прим. ред.)

– Это не просто символический день. Через несколько часов неизмеримое количество сияния поднимется к поверхности земли. Мы сможем увидеть эту величественную силу, хотя сомневаюсь, что большинство людей способно почувствовать ее так, как *ты*. – Он бросает на меня хитрый понимающий взгляд. – В конце концов, мало кто из дарадж одарен так, как ты.

Что-то приятно шевелится внутри в ответ на этот комплимент. Дакари не такой, как большинство жителей Лкоссы. Он не боится меня и моего дара. Его не пугает то, на что я способна.

– Закрой глаза. – Слова Дакари звучат не столько как приказ, сколько как приглашение. – Давай попробуй.

Следуя его просьбе, я закрываю глаза. Босые пальцы ног шевелятся, и сияние откликается, словно оно только и ждало, когда я сделаю первый шаг. Оно покалывает, протекая сквозь меня, наполняя меня, будто в чашку из черного фарфора наливают крепкий чай из медового куста. Оно *божественно*.

– Певчая птичка. – В этой новой тьме голос Дакари едва различим, но я слышу в нем эмоции – слышу *желание*. – Открой глаза.

Я открываю глаза, и у меня перехватывает дыхание.

Частицы сияния проявились в воздухе вокруг нас и плавают вокруг, искрясь, как алмазная пыль. Я ощущаю, как миллионы огоньков пульсируют в воздухе, и на мгновение их общее сердцебиение сливается с моим, и я чувствую отчетливую связь с ними. Красная земля словно уходит из-под ног по мере того, как все больше частиц поднимается в воздух, танцую рядом со мной, проникая до костей. Поток их энергии пронзает меня с ног до головы, одурманивает. Мне тут же хочется еще больше. Рядом что-то щекочет ухо. Дакари. Я и не заметила, что он придвинулся ближе. Когда он наклоняется и касается рукой моей спины, я едва сдерживаю дрожь.

– Представь, что бы ты смогла совершить с его помощью. – Его теплые пальцы переплетаются с моими, его мягкие губы касаются моей щеки. Я думаю о них, о том, как они близки к моим, и забываю, как дышать. – Представь, что бы ты могла *показать* людям, обладая такой силой. Ты могла бы показать всем, *что сияние не опасно* – что его просто не понимают. Ты могла бы доказать им, что они неправы во всем – и в своем мнении о тебе тоже.

«*Ты можешь доказать им, что они неправы*», – сглотнув, мысленно повторяю я. Воспоминания обрушиваются на меня – служители храма и их упреки, дети, которые разбегаются, увидев меня, взрослые, которые сплетничают за спиной. Я думаю о маме и папе, о том, как они лежат дома в постели, почти заснув. Родители любят меня, я знаю, но даже они перешептываются друг с другом, когда думают, что я не слышу. Все боятся меня и того, на что я способна, но Дакари... Он не боится. Он всегда верил в меня. Он первый человек, который по-настоящему увидел меня. В его глазах я не девочка, которую нужно отчитывать, а женщина, которую следует уважать. Он понимает меня, он *знает* меня, он любит меня.

А я люблю *его*.

Сияние перед нами теперь обрело более четкую форму – оно превратилось в колонну бело-золотого света, которая будто поднимается выше неба. Я могла бы дотронуться до нее, всего лишь протянув руку. Я уже начинаю движение, но тут...

– Адия!

Покой нарушает новый голос – полный страха, – и я отвожу взгляд от сияния. Рука Дакари крепче сжимает мою, но я высвобождаю пальцы и осматриваю поляну перед нами. Наконец я замечаю худого мальчишку в грязной тунике. Его короткие дреды спутаны после сна, он стоит в нескольких метрах от нас, спиной к городу, согнув колени, будто только что бежал. Я не видела, как он появился, и не знаю, как долго он уже здесь. Его глаза широко распахнуты от ужаса. Он знает меня, а я знаю его.

Тао.

– Адия. – Лучший друг не называет меня Певчей птичкой – он использует мое настоящее имя. Его голос звучит хрипло, отчаянно. – Пожалуйста, не касайся его. Это... это опасно.

Тао тоже любит меня, и в каком-то смысле это взаимно. Он умный, веселый и добрый. Всю жизнь он был мне как брат. Мне неприятно причинять ему боль. Мне неприятно, что мы с ним уже некоторое время не разговариваем.

– Я... – Что-то сдавливает мне горло, и слова Тао отдаются эхом в пространстве между нами. *Опасно*. Он не хочет, чтобы я прикасалась к сиянию, потому что считает его *опасным*. Он думает, что я *опасна* – так же, как и остальные. Но он не понимает, не знает. Дакари ничего не сказал, но *его* голос заполняет мое сознание.

Ты можешь доказать им, что они неправы.

Я понимаю, что могу, – и докажу.

– Прости.

Слова вырываются на волю, но внезапно их поглощает рев сияния. Колонна становится больше и громче, она заглушает ответ Тао. Я вижу, как сияние подсвечивает его лицо, слезы на щеках, и пытаюсь приглушить боль в груди. Мой друг знает, что я сделала выбор. Возможно, сейчас это уже не важно, но я надеюсь, что однажды он простит меня.

Я снова закрываю глаза, когда пальцы касаются ближайших частиц сияния. На этот раз, отвечая на прикосновение, они охотно, стремительно скользят по венам. Когда они поглощают меня, мои глаза широко открываются, это настолько потрясающе и восхитительно, что я едва осознаю боль, – а потом становится уже слишком поздно.

Часть I. Если лев рычит, он не набросится

Глава 1. В хорошем настроении

В хижине пахло смертью.

От этого запаха – зловонного и одновременно болезненно-сладкого, густо повисшего в воздухе на закате, – у Коффи с каждым вдохом кружилась голова. С того момента, как она пошевелилась последний раз, прошла четверть часа: ноги занемели, а во рту пересохло. То и дело живот скручивало, и ее подташнивало. Но это не важно: она оставалась неподвижной, как камень. Она не отрывала взгляд от того, что лежало на неровном земляном полу примерно в метре от нее, – от жертвы.

Мальчика звали Сахель. Коффи работала с ним в Ночном зоопарке не слишком долго, но она узнала его безбородое лицо цвета красного дерева, как и ее собственное, обрамленное густыми черными кудрями. Когда он еще был жив, у него была кривая улыбка и отвратительно громкий смех, похожий на ослиный рев. В смерти эти черты его покинули. Она изучила его худошавую фигуру. По традициям народа джеде большая часть его тела была скрыта саваном, но засохшая кровь по-прежнему кое-где пятнала белую льняную ткань – следы жестоких ран. Коффи не видела их, но знала, что они там – следы когтей, следы укусов. Пугающий образ, зародившийся в самом темном уголке сознания, постепенно обрел форму. Она представила, как Сахель бредет по джунглям, неуклюжий, не знающий, что поджидает его среди лиан. Она вообразила, как непредставимое огромное существо крадется в лунном свете, как его язык мелькает между острыми зубами, как оно высматривает легкую добычу.

Она будто наяву услышала крик.

Дрожь пробрала ее, несмотря на душную жару. Если слухи, которые она слышала раньше, правдивы, смерть Сахеля не была ни быстрой, ни безболезненной.

– Коф.

Напротив нее, у другой стены затхлой хижины, мама стояла на коленях рядом с телом Сахеля, глядя на изодранное одеяло, разложенное перед ним. На одеяле расположились шесть грубо вырезанных деревянных фигурок животных – журавль, крокодил, шакал, змея, голубь и бегемот – по одному фамильяру для каждого бога. Масляная лампа, стоявшая справа от мамы, окутывала половину ее лица ярким светом, другая половина была скрыта в тени.

– Пора.

Коффи медлила. Она согласилась прийти сюда и провести ритуал прощания для Сахеля, как велели обычаи джеде, но мысль о том, что она должна приблизиться к трупу, пугала ее. Но мама бросила на нее острый взгляд, и тогда Коффи опустила на колени рядом с ней. Вместе они коснулись пальцами каждой из фигурок, а затем сложили руки.

– Отнесите его, – прошептала мама слова молитвы. – Отнесите его к предкам в земли богов.

Они по-прежнему стояли на коленях, склонив головы, когда Коффи шепотом спросила:

– Это правда?

Мама сердито приоткрыла глаз.

– Коффи...

– Другие говорили, – продолжила Коффи, прежде чем мама успела ее остановить. – Они говорили, что есть еще убитые, что...

– *Шиииии*. – Мама вскинула голову и ответила резко, словно каждым словом прихлопывала муху цеце: – Следи за языком, когда говоришь о мертвых, иначе навлечешь на них несчастье.

Коффи обиженно сжала губы. Считалось, что для того, чтобы перейти в следующую жизнь, один из фамильяров богов – которых представляли лежащие перед ними фигурки – относил каждую душу к богу смерти, Феду. Затем душа должна была заплатить ему, чтобы ее отнесли в рай в божественных землях. Душа, у которой не было денег, чтобы оплатить проход, была обречена вечно скитаться по земле в виде потерянного духа. Как Коффи, Сахель работал смотрителем в Ночном зоопарке, а значит, у него было мало денег при жизни и, вероятно, осталось еще меньше после смерти. Если их верования были правдой, значит, его несчастья еще только начались, вне зависимости от того, следит она за своим языком или нет. Она хотела озвучить свои мысли, но тут соломенная дверь хижины отворилась. Внутри засунула голову коренастая женщина с седыми волосами, заплетенными в косички. У нее была такая же простая туника, как у них, длиной чуть ниже колена. Увидев их, женщина сморщила нос:

– Пора идти.

Мама показала на фигурки:

– Мы не закончили...

– У вас было достаточно времени на эту чушь. – Женщина отмахнулась. Она говорила на замани, языке востока, как и они, но она была из народа йаба, из-за чего ее слова звучали более резко. – Мальчик мертв, молитвы игрушкам этого не изменят, а перед представлением еще много работы, и Бааз рассчитывает, что оно начнется вовремя.

Мама покорно кивнула. Они с Коффи одновременно встали, но как только женщина ушла, снова посмотрели на Сахеля. Если бы не испачканный кровью саван, он мог бы показаться спящим.

– Мы вернемся и закончим наши молитвы позже, прежде чем его похоронят, – сказала мама. – По крайней мере, этого он заслуживает.

Коффи одернула потрепанный воротник туники, пытаясь скрыть промелькнувшее чувство вины. Все остальные в Ночном зоопарке уже помолились за Сахеля, но она упростила маму подождать. Сначала она оправдывалась делами, потом головной болью, но на самом деле она просто не хотела видеть Сахеля таким, лишенным всего, что делало его настоящим. Она строила стены, чтобы защититься от почти непрестанных напоминаний о смерти, которая здесь всегда была рядом, но они все равно пробирались внутрь, вторгались в ее пространство. Теперь мысль о том, что они оставят Сахеля здесь, лежать в грязи, такого же одинокого, каким он был в последние мучительные секунды своей жизни, тревожила ее. Она снова вспомнила, о чем перешептывались другие смотрители сегодня. Рассказывали, что Сахель дождался поздней ночи, чтобы осуществить задуманное. Говорили, что он отправился в Великие джунгли, надеясь обрести свободу, а вместо этого нашел существо, которое убило его ради забавы. Она поморщилась. Все знали, что Шетани – чудовище-убийца, и это само по себе было устрашающе, но по-настоящему Коффи выводило из себя то, что монстр ускользал от поимки уже много лет. Неправильно истолковав выражение лица дочери, мама взяла ее за руку и сжала пальцы.

– Обещаю, мы вернемся, – прошептала она. – А теперь идем, пора.

Не говоря больше ни слова, она пригнулась и вышла из хижины. Коффи оглянулась на тело Сахеля в последний раз и последовала за ней.

Снаружи солнце уже садилось, отбрасывая алый свет на раненое небо, в котором среди облаков мелькали странные черные трещины. С приближением сезона дождей эти трещины приобретут более мягкий фиолетовый оттенок, но они никогда по-настоящему не исчезнут. Они были здесь всегда, сколько Коффи себя помнила, – неизгладимый след, оставленный Разрывом.

Это случилось сто лет назад, ее еще не было на свете, но старики, когда набирались пальмового вина, по-прежнему то и дело вспоминали о Разрыве. Пьяные языки заплетались, когда они описывали яростную дрожь, расколовшую землю, как глиняный горшок, и мертве-

цов, заполонивших улицы Лкоссы. Они рассказывали о непрекращающейся опаляющей жаре, которая сводила людей с ума. Коффи, как и все дети ее поколения, страдала от последствий этого безумия. После Разрыва численность ее народа – джеде – сильно сократилась из-за войны и бедности, и их стало легко разделить, чтобы покорить. Ее глаза блуждали по трещинам в небе, которые сплетались друг с другом, как черные нити. На мгновение ей показалось, что, рассматривая их, она почувствовала что-то...

– Коффи! – мама окликнула ее через плечо. – Пойдем же!

Странное чувство исчезло так же быстро, как и появилось, и Коффи двинулась дальше.

В тишине они с мамой проскользнули мимо саманных хижин, теснящихся вдоль края Ночного зоопарка. Другие зрители тоже готовились: Коффи с мамой проходили мимо мужчин и женщин в потрепанных туниках. Некоторые из них перевязывали свежие раны, оставшиеся от встреч с монстрами, иные были отмечены следами прошлых травм, вроде старых шрамов и отсутствующих пальцев. Все они выражали тихую покорность, сгорбившись и опустив глаза, – Коффи с трудом выносила это, но понимала. Большинство работников Ночного зоопарка были джедези, как она, а значит, шоу будет продолжаться и этим вечером, хотя отсутствие Сахеля не останется незаметным. У него здесь не было настоящей семьи, но он был одним из них, его связали с этим местом неудачи и неверные решения. Он заслуживал большего, чем торопливые молитвы в разваливающейся хижине, он заслуживал достойных похорон, с монетами в ладонях, чтобы он точно смог добраться до божественных земель. Но лишних монет здесь не было ни у кого. Бааз об этом позаботился.

Хор воплей, рыка и рева наполнил вечерние сумерки, когда они подошли к кривому деревянному столбу, у которого заканчивались ряды хижин зрителей. Красная земля сменилась зелеными лужайками, на которых стояли клетки всех размеров, форм и цветов. Коффи посмотрела на ближайшую, и ей ответила любопытным взглядом восьмиглавая змея-ньювира. Коффи прошла следом за мамой вдоль клеток с белыми карликовыми слонами и шимпанзе, затем обошла загон с парой жирафов, которые тихо паслись. Они прошли мимо купола птичника, заполненного черно-белыми импундулу, чуть не забыв прикрыть головы, когда птицы захлопали над ними своими массивными крыльями, рассыпая в небе искры молний. Ходили слухи, что в Ночном зоопарке Бааза Мтомбе содержится больше сотни экзотических животных. Коффи работала здесь уже одиннадцать лет, но так и не удосужилась посчитать.

Они быстро шли между клетками и загонами, но когда оказались у границы участка, Коффи замедлила шаг. Клетка из черной стали, которая находилась здесь, стояла отдельно от остальных, и не без оснований. В меркнувшем свете дня был виден только могучий силуэт, обитатель клетки скрывался в тени.

– Все в порядке. – Мама кивнула Коффи, которая невольно остановилась. – Я сегодня уже проверяла, как Дико, и он был в порядке. – Она подошла к клетке, и тут же что-то пошевелилось в углу. Коффи напряглась:

– Мама...

– Выходи же, Дико, – тихо сказала мама. Она достала из кармана заржавевший ключ и вставила его в массивный замок. В ответ послышалось злое шипение. Коффи невольно поджала пальцы ног, когда из тени клетки появилось прекрасное существо.

У него было тело рептилии, мощное и мускулистое, украшенное радужной чешуей, которая, кажется, переливалась тысячей цветов при каждом движении. Умные лимонно-желтые глаза глядели то на Коффи, то на ее маму. Та пока что возилась с замком. Когда чудовище на секунду просунуло раздвоенный черный язык между прутьями решетки, в воздухе повис запах, похожий на дым. Коффи сглотнула.

Когда она увидела джокомо в первый раз, еще маленькой девочкой, Коффи показалось, что эти существа отлиты из стекла, что они хрупкие и уязвимые. Она ошибалась. Казалось, у огнедышащей ящерицы нет ни единой слабости.

– Достань лист хасиры, – скомандовала мама. – Немедленно.

Коффи тут же вытащила из мешочка, висевшего на поясе, три изящных сухих листка с серебряными прожилками. На них блестела белая смола, от которой пальцы делались липкими. Сердце гулко забилося, когда дверь в клетку джокомото распахнулась, а его голова качнулась. Мама прикрыла нос одной рукой, а другую предупреждающе подняла:

– Спокойно...

Коффи потрясенно застыла, когда джокомото метнулся к выходу из клетки и заскользил на длинных когтистых лапах. Она дождалась, пока он не окажется в нескольких метрах от нее, и тогда подбросила листья в воздух. Дико тут же заметил их и невероятно быстро бросился вперед. Сверкнули острые зубы, раздался безжалостный треск – и листья исчезли. Коффи быстро сунула руки обратно в карманы. Джокомото не водились в этой части Эшоэ, они обитали в западной части континента. Поговаривали, что это дети Тиэмбу, бога пустыни. Размером примерно с обычного варана, Дико не был самым большим, быстрым или сильным животным в Ночном зоопарке, но он был *самым* вспыльчивым – а значит, и самым опасным. Одно неверное движение, и он мог поджечь все вокруг. Коффи слишком хорошо помнила об ожогах смотрителей, которые об этом забывали. Ее пульс успокоился только после того, как листья хасиры действовали и пылающее желтое свечение его глаз слегка потускнело.

– Дальше я справлюсь. – Коффи уже зашла за спину Дико, держа в руках кожаную шлейку и поводок, которые взяла со стоявшего неподалеку столба. Она наклонилась, скрепила потерянные ремни под чешуйчатым брюхом, затянула их и только тогда немного расслабилась. Было глупо возлагать надежды на эту хлипкую шлейку – она ничем не поможет, если у Дико испортится настроение, – но пока что он был покорным.

– Убедись, что ремни надежно застегнуты.

Коффи подняла взгляд:

– Уже.

Довольная, мама наклонилась, чтобы демонстративно потрепать Дико по морде:

– Хороший мальчик.

Коффи закатила глаза, распрямляясь.

– Не знаю, зачем ты с ним так разговариваешь.

– А почему нет? – Мама пожала плечами: – Джокомото – впечатляющие создания.

– Они опасны.

– Иногда то, что кажется опасным, просто остается непонятым. – Мама произнесла это со странной печалью, а затем снова потрепала Дико по морде. На этот раз, словно подтверждая ее слова, он слегка ткнулся в ладонь. Похоже, это снова ободрило ее. – К тому же просто посмотри на него. Он сегодня в хорошем настроении.

Коффи хотела было возразить, но передумала. Мама всегда отличалась странным сочувствием к обитателям Ночного зоопарка. Коффи решила сменить тему:

– Знаешь, это был последний лист хасиры. – Чтобы подчеркнуть слова, она похлопала по пустому мешочку. – У нас больше нет, пока не привезут новые.

Даже сейчас нотки приторного запаха все еще витали в воздухе. Она невольно вдохнула его, и необычный аромат защекотал ноздри.

– Коффи! – Мамин голос, словно острый нож, рассек мимолетное очарование. Она по-прежнему держала поводок Дико, но теперь хмурилась. – Ты же сама знаешь. Не вдыхай их.

Коффи нервно встряхнулась, а затем помахала рукой в воздухе, пока запах не улетучился. Листья хасиры собирали на кустарниках вдоль границы Великих джунглей, и они обладали достаточно мощными седативными свойствами, чтобы вырубить взрослого слонабыка, если он их съест. Было неразумно вдыхать их запах на близком расстоянии даже в небольших количествах.

– Пора в путь. – Мама посмотрела на освещенный шатер, поставленный на другом конце территории Ночного зоопарка. Другие зрители уже направлялись к нему, ведя за собой животных. Отсюда шатер казался просто красно-золотым огоньком свечи, горящим в темноте, но Коффи тут же поняла – сегодняшнее представление будет проходить в Хеме². Мама снова посмотрела на нее: – Готова?

Коффи поморщилась. Она никогда не чувствовала себя готовой к представлениям Ночного зоопарка, но это едва ли имело значение. Она хотела встать рядом с Дико, но заметила кое-что необычное.

– Что не так? – спросила мама, увидев, как Коффи подняла бровь.

– Сама скажи *мне*. – Теперь Коффи прищурилась. Что-то было не так в выражении лица матери, но она не могла сказать, что именно. Она внимательнее всмотрелась в него. Они обе были похожи – черные кудрявые волосы до плеч, широкий нос, пухлый рот, лицо в форме сердца, – но сегодня вечером во внешности мамы было что-то *еще*. – Ты выглядишь... иначе.

– О... – Внезапно мама засмузилась. И теперь Коффи осознала, что за непривычная эмоция отражается в глазах матери. Коффи потрясенно поняла, что именно она не смогла распознать сразу – счастье.

– Что-то случилось?

Мама переступила с ноги на ногу.

– Ну, я собиралась подождать до завтра и тогда сказать. После того, что случилось с Сахелем, мне казалось неправильным это обсуждать, но...

– Но...

– Бааз подозревал меня несколько часов назад, – сказала она. – Он посчитал сумму нашего долга... и мы почти выплатили его.

– Что? – Коффи ощутила, как внутрь ворвались одновременно потрясение и радость. Дико фыркнул, ощутив внезапный всплеск эмоций, и выпустил в воздух струйки дыма, но она проигнорировала его. – Как?

– Те несколько часов, которые мы брали дополнительно... если их сложить... – Мама слабо улыбнулась. Она выпрямилась, словно растение, которое вот-вот расцветет. – Нам осталось всего две выплаты, и мы, наверное, справимся с ними за ближайшие несколько дней.

Коффи не могла поверить в услышанное.

– И после этого – все?

– *Все*. – Мама кивнула. – Долг будет выплачен, с процентами и всем прочим.

Коффи выдохнула и ощутила, как отступает напряжение, которое уже давно на нее давило. Как и большинство правил в Ночном зоопарке, условия для контрактных работников были такими, чтобы выгоду от них получал только один человек. Одиннадцать лет, которые она проработала здесь вместе с мамой, успешно вдолбили в нее это. Но они победили, они обыграли Бааза в его собственной извращенной игре. Они *уйдут отсюда*. Зрителям крайне редко удавалось выплатить долги – последний, кто смог это сделать, рассчитался по меньшей мере год назад, – но теперь настал их черед.

– Куда мы пойдём? – спросила Коффи. Она едва могла поверить, что действительно задала этот вопрос. Они никогда никуда не ездили, она едва помнила жизнь за пределами Ночного зоопарка.

Мама подошла ближе и взяла Коффи за руку.

– Мы можем пойти *куда захотим*. – Она произнесла это с такой горячностью, которую Коффи никогда раньше не слышала. – Ты и я, мы покинем это место и начнем все сначала где-нибудь еще, и мы никогда, *никогда* не оглянемся назад. Мы никогда не вернемся.

² Слово «хема» (hema) в переводе с суахили обозначает палатку, шатер. (Прим. пер.)

Никогда не вернемся. Коффи обдумала эти слова. Всю жизнь она мечтала о них, стремилась к ним. Но теперь, когда она дождалась, они звучали не так, как она представляла.

– Что? – Мама тут же заметила, как изменилось ее лицо. – В чем дело?

– Просто... – Коффи не знала, сможет ли найти правильные слова, но попыталась – Мы никогда больше не увидим никого из здешних.

Понимающее лицо мамы смягчилось.

– Ты будешь скучать.

Коффи кивнула, злясь на себя за это. Ей вовсе не нравилось работать в Ночном зоопарке, но это был единственный дом, который у нее был, единственная *жизнь*, которую она знала. Она подумала о других зрителях – семьей их не назвать, но они явно были ей небезразличны.

– Я тоже буду скучать по ним, – мягко сказала мама, словно прочитав ее мысли. – Но они не захотели бы, чтобы мы остались тут, Коффи, если мы не обязаны это делать.

– Мне просто хотелось бы им помочь, – прошептала Коффи. – Вот бы мы могли помочь им всем.

Мама едва заметно улыбнулась.

– Ты такая чуткая девочка. Тебя ведет сердце, как и твоего отца.

Коффи неловко поежилась. Ей не нравилось, когда ее сравнивали с папой. Его больше не было.

– Но иногда нельзя позволять сердцу вести тебя, – мягко сказала мама. – Нужно думать *головой*.

Внезапно воздух рассек звук горна. Его призывы доносились издалека, от храма Лкоссы, и их эхо разлеталось над территорией Ночного зоопарка длинными звучными нотами. Коффи с мамой застыли, когда возгласы взбудораженных монстров заполнили пространство вокруг, а Дико в предвкушении оскалил зубы. Звук рога-саа³ наконец возвестил наступление ночи. Настало время. Мама перевела взгляд с Хемы на Коффи.

– Все почти позади, маленькое зернышко поньи, – нежно сказала она, и в ее голосе послышалась нотка надежды. Она не называла ее так уже много лет. – Я знаю, как сложно было, но все почти позади. Обещаю: у нас все будет хорошо.

Коффи не ответила. Мама потянула Дико за поводок и повела его к шатру. Коффи шла следом, отставая на шаг. Она смотрела вдаль, не отрывая взгляда от неба цвета крови. Мамины слова крутились в мыслях.

Обещаю: у нас все будет хорошо.

У них все будет хорошо – теперь она это знала, но мысли по-прежнему цеплялись за что-то еще – *вернее, за кого-то еще*. Сахель. У него не было все хорошо – и уже никогда не будет. Она не могла перестать думать о нем, о мальчике с кривой улыбкой. Она не могла перестать думать о монстре, который убил его, и гадать, кого это чудовище заберет следующим.

³ Саа (saa) переводится с суахили как «часы» или «час». (Прим. пер.)

Глава 2. От корня

Еще за много лет до того, как Сатао Нкрума исчез, его называли безумцем.

Позже коллеги предполагали, что признаки упадка давно затаились у него внутри, тихо подъедая ум ученого, как лишайники – гнилое дерево. Со временем симптомы проявлялись все сильнее: срывы, резкие перепады настроения, случаи амнезии. Но когда старый мастер Нкрума в возрасте восьмидесяти семи лет начал говорить о Великих джунглях в женском роде, *это* стало последней каплей. Продумали план, выбрали опекуна. Группа людей с благими намерениями вошла в дом старика одним дождливым утром, чтобы сопроводить его – убеждением или силой – в учреждение, где он будет получать должный уход. Но их ждал неприятный сюрприз.

Сатао Нкрума исчез.

Он покинул скромное жилище, не взяв ничего, кроме одежды, которая была на нем. Он даже не взял дневник, который позднее стал ценнейшим источником сведений о естественной истории региона Замани. Поисковые отряды никого не нашли, и через несколько дней поиски прекратились.

Через пару-тройку десятилетий ученые Лкоссы по-прежнему иногда вспоминали старого Нкруму, размышляя о его печально известном безумии и исчезновении. Некоторые считали, что среброволосые юмбо из глубины Великих джунглей утащили старика и до сих пор танцуют с ним босиком при луне. Другие придерживались более мрачной версии, будучи уверенными, что какое-то злобное существо похитило его прямо из постели. Конечно, эти истории были лишь собранием мифов и фольклора. Экон Окоджо, который *не был* ученым, знал, что верить таким историям не стоит – они ничем не подтверждены, – но в *одном* он был убежден совершенно точно.

Великие джунгли полны зла, и доверять им нельзя.

Капли пота катились по затылку, когда он шагал, стараясь сосредоточиться на мерном хрусте под сандалиями, а не на жутковатых черных стволах по правую руку. *Точно пятьсот семьдесят три шага – хорошее число.* Он мерно постукивал пальцами по бедру, продолжая считать.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Мурашки покрывали голые руки, несмотря на жару, но он изо всех сил старался игнорировать и их, продолжая считать.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Он молился Шестерке, чтобы его не назначили в патруль сегодня, но, похоже, боги не услышали его или им было все равно. Были уже почти сумерки – пора, когда кроваво-оранжевое солнце Лкоссы скрывалось за деревьями, и их силуэты словно охватывало пламя. В это время он *особенно* не любил оказываться рядом с джунглями. Он шумно сглотнул и покрепче перехватил обмотанную кожей рукоять ханджари⁴, заткнутого за пояс.

– Мы уже нашли еще одно тело. – Рядом с ним шел Камау, плечом к плечу, устремив вперед ястребиный взгляд. Казалось, близость джунглей его не тревожила, но он выглядел усталым. – Это была старая женщина, которую часто тянуло побродить поздно вечером.

Экон шумно вдохнул.

– Насколько плохо?

– Плохо. – Камау покачал головой. – Нам пришлось завернуть то, что от нее осталось, в одеяло, просто чтобы донести ее до храма для кремации. Это... выглядело не очень.

⁴ Ханджари – кинжал. (Прим. ред.)

То, что осталось. Экон оторвал взгляд от деревьев, борясь с внезапной волной дурноты. Камау пытался сохранить спокойное выражение лица. Большинство людей считало, что Экон и Камау, которым было семнадцать и девятнадцать соответственно, похожи скорее на близнецов, чем на старшего и младшего брата, – у обоих кожа цвета промокшей от дождя земли, карие глаза цвета умбры и курчавые черные волосы, подбритые по бокам, как принято у йаба. Но на внешности их сходство заканчивалось. Камау был более мускулистым, а Экон – скорее худощавым. Камау предпочитал проводить свободное время с копьем, Экон – с книгами. А сегодня между ними было еще одно видимое различие.

Кафтан Экона был чист. У брата – запятнан кровью.

– Тебя не было сегодня за ужином, – заметил Экон, пытаясь отвлечься.

Камау не ответил. Он пристально смотрел на куст у подножия ближайшего дерева. Листья у куста были с серебристыми прожилками. Когда брат так и не ответил, Экон прокашлялся:

– Кам?

– Что?

– Я... спросил, где ты был вечером.

Камау нахмурился:

– У отца Олуфеме была работа для меня. Секретная. – Он взглянул на пальцы Экона, которые по-прежнему барабанили по бедру. – Ты опять делаешь эту странную штуку.

– Извини. – Экон сжал руку в кулак, заставляя пальцы остановиться. Он сам не помнил, когда у него появилась эта привычка – считать, но иногда просто не мог остановиться. Этому не было логичного объяснения, но в привычке было что-то успокаивающее, какое-то особое утешение он находил в этих тройных повторях.

Раз-два-три.

Три. *Три* было хорошим числом, как и любое число, которое на него делилось.

Воцарилась неловкая тишина, и он позволил новому счету заполнить ее. Было легче думать о числах, чем о том, что Камау на самом деле так и не ответил на вопрос. Когда-то они с братом делились друг с другом всем, но теперь это случалось все реже. Когда стало ясно, что больше Камау ничего не скажет, Экон попытался еще раз:

– Так, значит... по-прежнему никаких новых зацепок? Никаких свидетелей?

– А когда они были? – Камау рассерженно пнул камушек. – Все как всегда. Никаких следов, никаких свидетелей, просто тела.

Экона пробрала дрожь. Братья пошли дальше, и между ними, словно осевшая пыль, воцарилась печальная тишина. Прошли почти сутки с тех пор, как последние жертвы Шетани были обнаружены на краю джунглей. По идее, убийства уже не должны были так шокировать – чудовище оставалось угрозой для Лкоссы дольше, чем Экон прожил на этом свете, – но на самом деле привыкнуть к кровавому следу, который оно оставляло за собой, было невозможно. Каким-то образом лужицы крови на земле выглядели ужасающе каждый раз, а изуродованные трупы всегда вызывали тошноту. У Экона сжался желудок, когда он вспомнил отчет о погибших, который прочитал несколько часов назад. Восемь жертв. Самым молодым на этот раз был маленький мальчик, слуга-невольник, которому было не больше двенадцати. Его нашли отдельно от остальных. Кажется, именно таких людей чудовище и предпочитало – беззащитных, уязвимых.

Они прошли поворот тропы, когда солнце еще не село. Внезапно Экон напрягся. Справа от него по-прежнему возвышались деревья, словно стражи; слева простиралась полоска бесплодной рыжей грязи в несколько метров шириной, между городской чертой и границей джунглей – ничейные земли. Это место было ему знакомо. В детстве они с Камау часто приходили сюда поиграть, когда чувствовали себя смелыми или безрассудными. Они делали игрушечные копья из палок и изображали, будто вдвоем могут защитить город от тварей из Великих джунглей, от легендарных монстров. Но эти приключения остались в прошлом, времена измени-

лись. Теперь, когда Экон смотрел на тесно сплетенные стволы, корни и лианы джунглей, он не помнил легенд.

Он помнил голос.

«Экон».

Экон вздрогнул. Каждый раз, когда он слышал в голове голос отца, тот звучал нечетко, как у человека, который выпил слишком много пальмового вина.

«Пожалуйста. Экон, пожалуйста».

Это нереально. Экон знал, но его сердце все равно забилося чаще. Он снова забарабанил пальцами, еще быстрее, пытаясь использовать счет, чтобы отвлечься и сдержать то, что, как он знал, последует дальше.

Раз-два-три. Раз-два-три. Не думай об этом. Раз-два-три. Раз-два-три.

Не помогло. Поле зрения по углам начало туманиться и терять четкость по мере того, как давний кошмар возвращался к нему. Он почувствовал, что теряет контроль, безуспешно пытаясь отделить реальность от воспоминаний, настоящее от далекого прошлого. В воображении он был уже не на краю джунглей, он был *в* джунглях, он слышал все, *видел* все, все то, чего не хотел...

«Экон, пожалуйста».

А затем он увидел тело, залитое темной кровью. Он услышал грозный шорох листьев как раз перед тем, как воздух пронзил едкий запах – запах чего-то, что давно умерло. Он увидел темный силуэт, пробирающийся между деревьями, – монстра.

Все всегда сводилось к монстру.

Его легкие протестующе сжались, и тогда Экон забыл, как дышать. Деревья будто тянулись к нему, искривленные черные ветки сжимались, как когти, голодные...

– Экон?

Густая муть, застилавшая сознание, отступила так же внезапно, как пришла. Он снова находился на краю джунглей, голос отца исчез, а Камау остановился и встревоженно нахмурился:

– Ты в порядке?

– Уф, ага. – Экон стряхнул с себя остатки кошмара, как паутину. – Просто... задумался о сегодняшнем.

– А. – На лице Камау промелькнуло смущение, которое тут же исчезло, сменившись пониманием. – Ты боишься.

– Нет.

– Это совершенно естественно, – мрачно сказал Камау. Он демонстративно потянулся, и Экон с сожалением подумал о том, насколько крупнее бицепсы брата. – Некоторые считают, что ритуалы перехода в храме – самые сложные во всей Эшозе. Конечно, *я сам* не считаю их слишком трудными...

Экон закатил глаза. Два года назад брат получил право присоединиться к Сынам Шести, элитным воинам города. Он так хорошо прошел обряд, что сразу после инициации ему присвоили звание каптени – капитана, – несмотря на юный возраст. Теперь Камау был уважаемым воином, мужчиной. А Экон в глазах остальных оставался лишь зеленым мальчишкой.

– *Эй!* – Лицо Камау погрузнело, словно он услышал мысли Экона. – Не переживай, ты тоже пройдешь.

– Разве ты можешь сказать что-то другое?

Теперь Камау закатил глаза.

– Не в этом дело. И я точно не стал бы говорить то, чего не думаю. – Он стукнул кулаком по руке Экона. – Просто расслабься немного, ладно? Выдохни. Ты не влезаешь в неприятности, ты знаешь тексты лучше всех, и... ты справляешься с копьем *почти* так же хорошо, как я. К тому же ты Окоджо, так что мы, по сути, рождены для этого.

Экону показалось, будто он проглотил орех кола целиком. *Рождены для этого*. Поколение за поколением все мужчины рода Окоджо служили Сынам Шести, и эта традиция существовала дольше, чем традиции любой другой семьи в Лкоссе. Это наследие хранили и уважали, оно не оставляло права на ошибку.

– Наша семья будет гордиться тобой. – Камау разглядывал сандалии. – И я знаю, что и папа тобой бы гордился, если бы он был еще здесь.

Упоминание отца заставило Экона поморщиться.

– Спасибо. – Помолчав, он заговорил снова: – Слушай, Кам, я знаю, мне нельзя заранее узнавать, что там будет, но, может, ты...

– *Нет*. – Камау замотал головой, и улыбка снова растянула уголки его рта, хотя он пытался выглядеть серьезным. – Эки, обряд меняется каждый год согласно решениям действующего Кухани. Обряд для тебя выберет отец Олуфемии. Даже я не знаю, что это будет.

Воображаемые червяки, которые извивались вокруг желудка Экона, тут же притихли. Он все равно нервничал, но знание того, что ему не придется иметь дело с тем, через что прошел Камау во время *своего* обряда, немного утешало.

Они дошли до конца маршрута, который патрулировали, и остановились. В нескольких метрах от них, впереди, начинались Великие джунгли. Камау поднял взгляд. Экон проследил за ним и тоже посмотрел на серебристо-белые звезды, которые начали загораться в небе. В их тихом свечении шрамы, оставленные Разрывом, почти исчезли. Почти. Иллюзия не могла их обмануть.

– Лучше пойдем, – сказал Камау. – Уже пора.

Экон не стал признавать этого вслух, но чем дальше они уходили от границы джунглей, тем лучше он себя чувствовал. С каждым шагом, уводящим их от леса, напряжение отпускало плечи. Постепенно вечерний воздух наполнился знакомым городским гвалтом – это была Лкосса, это были звуки и запахи дома.

Вдоль грязных улиц стояли лавки со свежими фруктами, продавцы торговались с последними покупателями, а магазины уже собирались закрываться. Экон пересчитал всех. Он насчитал пятнадцать купцов, которые встряхивали на вытянутых руках окрашенные вручную ткани, и пару мальчиков, склонившихся над деревянной доской для игры в оварэ, – последние отвлеклись от игры и радостно помахали Камау, когда увидели позолоченную рукоять его ханджари. Группа молодых женщин – *четыре* – захихикала, прикрывая рты руками, когда они проходили мимо. Они одобрительно взглянули на Камау, и Экон ощутил знакомый укол зависти. Еще мальчиком он привык, что люди так смотрят на папу, когда видят его в официальной одежде, но с Камау было сложнее. Экон хотел, чтобы и его уважали, чтобы им восхищались, чтобы его замечали без особых усилий с его стороны.

«*Уже скоро*, – напомнил он себе, барабанив пальцами по бедру. – *После того как ты пройдешь последний обряд сегодня вечером, ты станешь Сыном Шести, воином и мужчиной. Настанет твой черед*». – Даже в мыслях это звучало так, будто речь идет не о нем.

На дороге, ведущей к храму, стало тише, но когда они уже приблизились к месту назначения, лицо Камау вдруг застыло.

– Стой!

Все вокруг мгновенно стихло и опасно заглядывались по сторонам. Даже Экон растерянно остановился. По его подсчетам, на дороге было восемнадцать человек. Он подождал немного, а потом увидел то, что Камау заметил раньше. Он обсчитался.

Маленькая девочка стояла в нескольких метрах от них. У нее были темные впалые глаза, нечесанные и спутанные черные волосы, обрамляющие изможденное лицо. Туника у нее была изношена, один рукав сполз со слишком худого плеча, а кожа на ногах пересохла и потрескалась. В первую секунду Экон не понял, почему она смотрит на него с таким страхом, но потом

заметил, как набит ее карман, как дрожат ее руки. Она выглядела как человек, которого поймали с поличным.

– Ты! – Камау метнулся к ней, и у Экона упало сердце. – Стой где стоишь!

В следующую секунду девочка ринулась прочь по улице.

– Стой! – Камау перешел на бег, а следом и Экон. Никто не сдвинулся с места, пока они пробирались между людьми. Девочка свернула вправо, потом исчезла на улице с развилкой. Камау разочарованно рявкнул.

– Эти проходы соединяются. – Он направился по одному из них, указав Экону в противоположном направлении: – А ты проверь другой!

Экон подчинился немедленно, не обращая внимания на укол жалости в груди. Девочка выглядела такой маленькой, такой напуганной. Он не знал, действительно ли она украла что-то ценное. Но это было не важно. Она не подчинилась прямому приказу Сына Шести. Если ее поймут, ее накажут розгами. Он покачал головой, отгоняя эмоции, чтобы сосредоточиться. Девочка завела их в район Чафу – трущобы Лкоссы, самую опасную часть города. На бегу он коснулся рукояти ханджари. Он не допустит, чтобы на него напали из засады.

Он завернул за угол, ожидая увидеть Камау, но вместо этого ему открылась пустая улица.

– Эй? – Его оклик остался без ответа, лишь отразился жутковатым эхом от грязных земляных кирпичей. – Кам?

– Боюсь, что нет, молодой человек.

Экон резко развернулся. Прислонившись к одной из стен и скрестив ноги, на земле сидела старуха, едва различимая на фоне окружающей грязи. Волосы у нее были белые, словно хлопок, а кожа коричневая и пятнистая, как грубо обтесанное дерево. На ее шее на шнурке висел потрепанный амулет, хотя было слишком темно, чтобы разглядеть его в деталях. Она тягуче улыбнулась Экону, пока они мерили друг друга взглядами, и его передернуло от отвращения – у нее не хватало нескольких зубов.

– Как странно... – Старуха провела пальцем по нижней губе. Она говорила на заманийском, но ее выговор был ритмичным, почти музыкальным. Она была из джеде, из местных джедези. – Обычно йаба не заходят в эту часть города.

Экон выпрямился во весь рост:

– Я ищу маленькую девочку, вы не виде...

«Экон».

Экон настороженно застыл. На мгновение ему показалось, что он услышал... но... нет, не здесь. Не может быть. Он был слишком далеко от джунглей, чтобы голос отца последовал за ним сюда. Он никогда не слышал его так далеко. Это невозможно. Он откашлялся.

– Кхм. Вы?..

«Экон, пожалуйста».

На этот раз Экон крепко стиснул зубы. Он не мог сопротивляться дрожи, которая пробрала его с головы до ног.

«Нет. – Он посмотрел направо, в сторону джунглей, а его пальцы плясали, барабани по телу. – Нет, не здесь, не сейчас...»

– Часто они призывают тебя?

Экон вздрогнул. Он почти забыл о старухе, а та по-прежнему сидела перед ним и теперь смотрела на него так, будто происходящее ее забавляло.

– Я... – Экон замолчал, пытаясь осмыслить ее слова. – Они?

– Джунгли. – Старуха поерзала, покачиваясь из стороны в сторону, словно в такт неслышной мелодии. – Меня они тоже иногда зовут. Не знаю точно почему, магия – странная штука, как и все, чего она касается.

По голой руке Экона, словно паук, пробежала дрожь; рот стал сухим, как бумага.

– Нет... нет никакой магии, – дрожащим голосом выговорил он.

– *Вот как ты думаешь.* – Старуха по-птичьи наклонила голову и потерла пальцем свой амулет. Теперь она пристальней разглядывала Экона. – Любопытно, *очень* любопытно...

Все инстинкты Экона велели ему бежать, но внезапно это оказалось невозможным. Что-то в голосе старухи, ее *глазах* крепко держало его. Он шагнул к ней, словно беспомощная рыба, которую тянула леска...

– Эkki?

Экон поднял взгляд, и странный транс внезапно развеялся. С другого конца улочки подходил Камау, и в свете зажженных фонарей, прикрепленных к стенам, его хмурое лицо выглядело резким, рельефным.

– Что ты делаешь?

– Я... – Экон посмотрел туда, где сидела старуха. Ее там уже не было. Странно: он понял, что ему трудно вспомнить, как она выглядела. Как будто ее вообще не существовало. Он встревоженно посмотрел на Камау и сказал, стараясь, чтобы его голос звучал ровно: – Я... не смог найти девчонку.

– И я тоже, – ответил Камау. – Но нам некогда ее искать. Идем.

Они шли молча, пока не добрались до двух позолоченных колонн, обозначающих вход в район Такатифу. Экон выпрямил спину. Вся Лкосса была аккуратно разделена на районы, но храмовый отличался от остальных. Это была единственная часть города, где действовал комендантский час: после заката сюда нельзя было войти. Они прошли наверх по извилистой дорожке, и даже отсюда храм уже был виден. Конечно, это был дом – место, где он жил, но сегодня он казался другим. Его массивный купол, накрывающий постройку из белого алебастра, казалось, стремился отразить мерцающий свет каждой из звезд. Поднялся ветерок, и Экон почувствовал запах гвоздик – парпеты и арочные окна храма словно пропитались молитвенными благовониями. Как он и ожидал, когда они подошли ближе, он различил два силуэта людей, стоящих наверху главной лестницы, спиной к ним. Фахим и Шомари – еще два претендента – ждали его. Настало время.

– Когда мы встретимся снова, ты станешь посвященным Сыном Шести. – Камау остановился рядом с ним у основания лестницы и тихо добавил: – Мы станем братьями по копыю так же, как мы сейчас братья по крови. – Он провозгласил это без тени сомнения. Экон сглотнул. Брат верил в него, он был уверен, что Экон справится.

«Папа в тебя тоже когда-то верил, – произнес жесткий голос в мыслях. – Он доверяет тебе, как доверял и папа».

Экон отогнал этот голос прочь и кивнул.

– Будь сильным. – Камау подтолкнул его вперед, прежде чем отступить в ночь. – Ты сможешь это сделать. И помни: *Кутока м'зизи*.

Экон стал подниматься по лестнице. Слова отдавались в его сознании. «Кутока м'зизи» означало «от корня». Старинное выражение, которое использовали в их семье. Оно напоминало ему, откуда он пришел и какие ожидания на него возложены. *Кутока м'зизи*.

Именно папа когда-то научил его и Камау этим священным словам, когда они были еще юны. Он должен был быть здесь, он должен был сам произнести их.

Но папы здесь не было. Папа был мертв.

Перед тем как выйти на площадку, Экон оглянулся. Камау уже ушел, а Великие джунгли на противоположной стороне города казались отсюда лишь неприятным пятнышком на непроглядной обсидиановой ночи, слишком далеким, чтобы голоса дотянулись до него. И все же, отвернувшись от леса, Экон не мог избавиться от ощущения, что из самой глубины джунглей что-то наблюдало за ним, что-то выжидало.

Глава 3. Ничтожное сопротивление

Сколько бы лет ни прошло, Коффи всегда испытывала страх перед Хемой.

Она жевала нижнюю губу, и беспокойство нарастало, когда она видела, как алые складки шатра трепещут на ветру, замечала, как центральный шест пронзает невинное ночное небо, будто позолоченное копье. Она шла, волоча ноги, когда они с мамой присоединились к очереди зрителей, которые ждали возможности войти внутрь со своими тварями.

«Все почти кончилось, – подумала она. – Почти кончилось».

Когда-то, в другой жизни, ей казалось, что массивный тент можно считать великолепным, даже впечатляющим. Но время потрепало его: разрывы на швах приходилось штопать, а большую часть металлических штырей, вбитых в траву и удерживавших шатер, покрывала ржавчина. Посетителей в Ночном зоопарке становилось все меньше – как и многого другого в Лкоссе, – это было заметно.

– Улыбайся, – напомнила ей мама, ведя их к очереди. Несколько других зрителей осторожно отступили.

Коффи скривила рот, изображая гримасу, которой, как она надеялась, будет достаточно. Бааз требовал, чтобы все хранители Ночного зоопарка выглядели радостно во время представлений, и жестоко наказывал тех, кто не следовал этому требованию. Коффи вздрогнула, вспомнив про столб, у которого избивали плетью, – не так далеко отсюда. Жестокое наказание и сюрреалистичное правило выглядеть радостно, когда имеешь дело с чудовищами, которые могут убить тебя, как только увидят, были одной из тех вещей здесь, по которым она *не будет* скучать.

– Не забывай проверять шлейку Дико, – сказала мама. – Убедись, что все надежно, прежде чем мы...

– Привет, Коф!

Коффи подняла взгляд, и теперь ее губы растянула искренняя улыбка. К ним быстрым шагом подходил мальчик лет четырнадцати, окруженный сворой диких собак. У него были светлые, умные карие глаза и неизменная улыбка до ушей.

– Привет, Джабир.

Увидев диких собак, Дико зашипел, и его разноцветная чешуя пошла волнами. Мама оттащила его, неодобрительно посмотрев на мальчика.

– Джабир, – строго сказала она, – эти псы должны быть на поводках.

– Ай, им они не нужны, – ответил Джабир, не переставая улыбаться. – Они очень послушные.

– Разве один из них не нагадил в туфли Бааза позавчера?

Рот Джабира дернулся.

– Я же сказал: они очень послушные.

Коффи захотелось засмеяться, но она тут же ощутила укол неожиданной боли. Джабир был ее самым близким другом в Ночном зоопарке, в чем-то он был ей как брат. Она смотрела, как он опустился на колени, чтобы поиграть с собаками. Если она покинет Ночной зоопарк, значит, она расстанется и с ним. Ей не хотелось сообщать ему об этом, но она должна была это сделать. Лучше, если он услышит от нее.

– Джабир, – неуверенно начала она. – Мне нужно сказать тебе...

– Слышала о сегодняшних посетителях? – Джабир ухмыльнулся, как делал обычно, когда собирался поделиться слухами. Одной из его обязанностей в зоопарке было выполнять поручения Бааза, так что он всегда первым узнавал новости.

– Нет, – ответила Коффи, тут же отвлекшись от того, что собиралась сказать. – А что с ними?

– Это какая-то семейная пара купцов из Бариди, – ответил он. – Похоже, довольно богатые. Бааз рассчитывает получить от них поддержку. Я видел, как они входили. Старик ничего такой, но его жена ходит так, будто у нее палка в...

– *Джабир!*

Коффи фыркнула, а Джабир смущенно улыбнулся ее маме. Его слова побудили ее осмотреться по сторонам. Вокруг собиралось все больше зрителей. Только сейчас она заметила, что сегодня из клеток выпустили больше животных, чем обычно, а пол выглядел так, будто его подмели лишний раз. Если эта купеческая семья *согласится* стать попечителями зоопарка, это добавит ему не только престижа, но и прибыли. Сегодня Бааз будет особенно взволнован.

Внезапно из глубины тента донесся хор мелодичных голосов, прекрасных и гармоничных. Все трое тут же застыли. Это были музыканты-невольники Ночного зоопарка. Их пение означало, что шоу официально началось. Через несколько секунд к пению присоединился грохот барабанов, обтянутых козьей кожей, и сердце Коффи настроилось на их гулкий ритм. Когда увертюра закончилась, она подняла взгляд, и вместо музыки в воздухе повисла выжидающая тишина.

– Великолепно! – произнес кто-то внутри тента. – Прекрасное представление от нашего хора! – Коффи узнала этого громогласного распорядителя – *это и был* Бааз. – Если вам это понравилось, бвана Мутунга, вы, несомненно, восхититесь и красотами, которые я припас для вас сегодня вечером. Хотя все они, конечно, бледнеют в сравнении с вашей прекрасной женой. Би Мутунга, слова не в силах описать ваше сияние...

Коффи едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Бааз называл гостей *бвана* и *би*⁵ – это были формальные обращения в заманийском, так что он явно пытался их впечатлить. Ткань Хемы была слишком толстой, чтобы Коффи, стоя снаружи, могла что-нибудь разглядеть, но она расслышала вежливые аплодисменты, пока музыканты покидали шатер. *Два, только два гостя*. Бааз, наверное, сказал им, что это все – эксклюзивное представление, но она-то знала: никто больше просто не пришел. Им все чаще приходилось отменять представления из-за отсутствия зрителей. Вскоре ее хозяин снова заговорил:

– А теперь! Я думаю, вы уже слышали про мой впечатляющий Ночной зоопарк. Он обладает самой богатой коллекцией уникальных обитателей этого региона, подобных которым вы никогда...

– Просто покажите нам животных, – произнес женский голос с сильным акцентом. – Мы не планируем проводить здесь весь вечер.

Повисла неловкая пауза.

– Разумеется! Немедленно покажу, би Мутунга! Позвольте представить вам, без лишних отлагательств, Парад Чудовищ!

Это был сигнал, и как только Бааз произнес эти слова, он откинул полог главного входа в Хему. Коффи невольно вздрогнула, увидев его.

К его чести, Бааз Мтомбе явно *выглядел* как владелец «впечатляющего» Ночного зоопарка: все в нем было чрезмерным, словно на карикатуре. Он был великаном, с кожей глубокого дубово-коричневого цвета и гривой густых черных и белых дредов, которые торчали во все стороны. В красном дашики⁶ и туфлях из искусственного шелка он выглядел веселым, пусть даже и одетым чересчур странно. Коффи отлично знала, что верить первому впечатлению не стоит.

– Вперед! – Он махнул первым зрителям в очереди, которые с трудом ввели в шатер серебристых горилл на поводках. – Как мы и репетировали, *улыбайтесь шире!*

⁵ Bwana и bi в суахили – уважительные обращения к мужчине и женщине соответственно. (Прим. пер.)

⁶ Дашики – красочная одежда, покрывающая верхнюю часть тела, которую носят в основном в Западной Африке. (Прим. ред.)

Очередь, выстроившаяся перед ним, потянулась в шатер, и Коффи сглотнула. Бояться было нечего на самом-то деле. Представления всегда были одинаковыми, и это, скорее всего, будет для нее одним из последних. И все же она почему-то нервничала. Уже скоро она, мама и Дико подошли ко входу в Хему. Она старалась не вдыхать резкий одеколон Бааза, когда, присев, прошли мимо него и оказались внутри.

Изнутри шатер еще напоминал о том, каким он был когда-то, – словно интерьер из последних сил цеплялся за бывшее величие. Обстановка слегка устарела – помещение украшали старые покрывала с изображениями животных, а стулья были потерты. Продуманно расставленные свечи отбрасывали золотой свет, который удачно скрывал те пятна на коврах, которые не удавалось вывести; пьянящий аромат пальмового вина едва перекрывал запахи животных – и застарелые, и свежие. Массивная статуя фазана, вырезанная из бирюзы, стояла в углу, а в центре находилось открытое пространство, служившее сценой. Перед ней, на красном бархатном диване, сидела хорошо одетая пара.

Мужчина был достаточно стар, чтобы годиться Коффи в дедушки. Кожа у него темная и морщинистая, а коротко постриженные волосы почти белые. На нем было дашики сливового цвета – Коффи сразу же поняла, что оно дорогое, несмотря на скромный вид, – благодаря которому он выглядел зрелым и утонченным. Рядом сидела его жена – полная противоположность, неприятно юная и аляповатая. Похоже, ей нравился зеленый, потому что вся она была облачена в этот цвет – от платья ручной покраски до сверкающих нефритовых бус на концах ее косичек. Когда Коффи и мама вошли в шатер с Дико, она зажала нос, и Коффи ощутила, как шею заливают жар. Следом за ними шел Джабир с дикими псами, а последним – Бааз.

– Леди и джентльмены! – он произнес отрепетированные слова, словно обращался к миллионам зрителей, а не всего к двум. – Для вашего удовольствия и развлечения представляю вам множество обитателей моего восхитительного Ночного зоопарка! Сегодня мы устроим вам путешествие через дикие западные болота, жуткие Великие джунгли и даже покажем существ, добытых на самых дальних окраинах западных пустынь. Итак, первая – гуимала!

Коффи немного расслабилась, когда они с мамой отошли к стене шатра, глядя, как два зрителя подталкивают вперед, в центр, похожую на верблюда гуималу. Они несколько раз обошли арену по кругу, позволяя купцу и его жене полюбоваться блестящими черными шипами, покрывавшими спину зверя, – достаточно острыми, чтобы пронзить кожу до крови.

– Гуимала водится на равнинах Кусонга, – вещал Бааз. – Это травоядное животное, оно может неделями обходиться без воды. Эти создания невероятно ловкие. Говорят, что однажды одна принцесса с запада использовала шип гуималы, чтобы изготовить любовный напиток...

Истории Бааза об обитателях Ночного зоопарка – некоторые правдивые, но по большей части выдуманные – сливались для Коффи в одну по мере того, как все больше и больше животных приглашали выйти вперед. Бааз рассказал особенно жуткую историю о серебристых гориллах, которые вышли следующими, затем поделился народной легендой об импундулу, когда юноша-зритель вышел вперед, неся существо на руке. Коффи задержала дыхание, когда вперед вышла вопящая гиена – если снять с нее намордник, то от звуков ее смеха человека может парализовать, – но, к счастью, Бааз *не стал* предлагать практическую демонстрацию. Вскоре он обратил взгляд на Джабира.

– А теперь особое, местное сокровище в нашей коллекции, – гордо произнес он. – Позвольте представить вам Джабира и его диких псов из Лкоосы!

Коффи пронзила волна гордости, когда Джабир выступил вперед вместе с лохматыми коричневыми псами и улыбнулся, а затем глубоко поклонился Мутунгам. Ей самой представления Ночного зоопарка были безразличны, но Джабир выполнял каждый выход, как прирожденный артист. Он поднял руку, его пальцы заплесали в воздухе, складываясь в сложную последовательность сигналов, и собаки тут же застыли. Коффи улыбнулась. Джабир великолепно владел беззвучными командами: он мог научить им почти кого угодно. Он поднял два пальца,

и собаки забегали вокруг него по идеальному кругу, затем сжатый кулак заставил их подняться на задние ноги и затягивать. Бвана Мутунга усмехнулся, когда один из псов повернулся мордой к нему и согнул передние лапы, убедительно изображая поклон, в то время как другой прелестно запрыгал на месте. Коффи снова ощутила болезненный укол. *По этим* мгновениям она будет скучать.

Джабир показал еще несколько трюков, а затем хлопнул в ладони и приказал собакам остановиться и сесть. В заключение он глубоко поклонился, а купец заплодировал.

– Прекрасно, прекрасно! – произнес бвана Мутунга. – Это было весьма впечатляюще, молодой человек!

Джабир улыбнулся и повел собак со сцены, освобождая место для Бааза.

– Одна из восходящих звезд нашего зоопарка! – произнес тот, широко улыбаясь. – И это еще не все! В следующем акте вы...

– *Дорогой.*

Коффи подняла взгляд и увидела, что жена купца, би Мутунга, обмахивается рукой с выражением явного нетерпения на лице. Она обратилась к мужу:

– Становится поздно. Может, нам пора вернуться к каравану?

– Но... – Голос Бааза задрожал. – Но вы, конечно, задержитесь еще чуть-чуть? Я еще не провел для вас экскурсию по зоопарку, и эксклюзивное предложение только для попечителей...

– Ах, Бааз, я думаю, моя более молодая, более юная половина права. – Бвана Мутунга любящим взглядом посмотрел на жену. Его голос звучал так же, как ее – с густым, рубленным северным акцентом уроженца Бариди. – Завтра утром мне нужно быть в храме. Может, мы обсудим вашу поддержку в следующий раз...

Бааз встревоженно заломил руки.

– Но вы даже не увидели наш главный номер! – Он обратился к жене купца: – Думаю, вам, би Мутунга, это будет особенно интересно. Если бы вы подарили мне еще десять минут вашего времени...

– *Пять.* – Выражение лица би Мутунги не изменилось.

– Великолепно! – Бааз хлопнул в ладони, мгновенно оживившись. Коффи знала, что будет дальше, но все равно вздрогнула, когда взгляд хозяина обратился на нее. – Позвольте представить вам нашего джокомото Дико!

Главное, спокойствие. Коффи мысленно повторяла эти слова, когда они с мамой вместе повели Дико вперед. Она держала поводок, а мама шла рядом, готовая прийти на помощь. «*Ты делала это тысячу раз,* – уговаривала себя Коффи. – *Осторожно, как обычно...*»

Они медленно провели Дико по периметру сцены. В свете свечей его чешуя мерцала, почти гипнотизируя. Хотя Коффи не рисковала поднять взгляд, она слышала, как купец восхищенно охает.

– Какое *утонченное* создание, – сказал бвана Мутунга. – Бааз, напомни, откуда оно?

– Ах. – В голосе Бааза снова прорезался восторг. – Джокомото водятся в пустыне Катили, на западе. В наши дни эти монстры удивительно редки...

– Кстати о *монстрах*, – перебил его мужчина. Коффи украдкой взглянула на него, когда они с мамой описали еще один круг. – Бааз, правда ли, что Шетани забрало одного из твоих зрителей? Я слышал, это создание снова устроило побоище прошлой ночью и убило восьмерых.

Коффи сбилась с шага, а в шатре повисла тишина. Даже не глядя она понимала, что все присутствующие зрители замерли при упоминании Сахеля, ожидая ответа.

– Это... правда. – Бааз старался говорить непринужденно. – Но мальчик *сам* решил убежать. Этот глупец лишил себя моей щедрой защиты.

Свободная рука Коффи сжалась в кулак, но она продолжала идти. Подняв глаза на купца, она увидела, как он усмехается в чай.

– Это было бы прекрасное дополнение к твоему шоу, разве нет?

Коффи заметила, как на лице хозяина отразилась бесконечная тоска.

– Что ж, человек имеет право мечтать, – задумчиво произнес он. – Но я думаю, что за такое приобретение мне пришлось бы отдать душу.

– Должен признать... – купец осторожно поставил фарфоровую чашку на колено, – э то существо в некотором роде приносит удачу моему бизнесу.

Глаза Бааза загорелись:

– Напомните мне еще раз, чем вы торгуете, бвана? Драгоценными камнями? Тканями тончайшей работы?

Бвана Мутунга снисходительно посмотрел на Бааза.

– Я вам *и не говорил*, но ни тем, ни другим, – сказал он. – Моя специализация – административные поставки. Перья, папирус, баридийские чернила – один только храм Лкоссы обеспечивает четверть моего бизнеса со всеми этими книгами и картами, которые они там хранят.

– Естественно, – кивнул Бааз, словно прекрасно в этом разобрался.

– Раньше мне приходилось ставить цену ниже, чем у конкурентов, – продолжал бвана Мутунга. – Но сейчас большинство из них боится отправляться в Лкоссу, так что я стал монополистом! Какая удача!

На лице Бааза отразилась явная зависть.

– Что ж, бвана, позвольте мне первым от всей души поздравить с вашим... *благополучием*.

Коффи изо всех сил старалась удержать на лице отрепетированную улыбку, но невольно хмурилась все сильнее. Шетани не было удачей для жителей Лкоссы: это существо было смертельной угрозой. Любой, кто считал такого монстра хорошим, сам, с ее точки зрения, был не лучше грязи. Она вспомнила о Сахеле, о том, каким маленьким он выглядел в саване. Он убежал из Ночного зоопарка в Великие джунгли, поскольку ему показалось, что у него нет выбора. Некоторым людям этого никогда не понять – Бааз назвал его глупцом, – но она понимала. Она знала, что бедность тоже монстр, который всегда таится в темноте и ждет момента, чтобы сожрать тебя. Для некоторых смерть была монстром *более милостивым*. Но таким, как эти мужчины, подобного не понять.

– Я вот думаю, Бааз... – Теперь бвана Мутунга чуть наклонился вперед в кресле. – Можно ли... посмотреть на джокомото поближе?

Бааз выпрямился:

– Конечно! – Он повернулся к Коффи и ее маме: – Девочки, подведите Дико к нашим гостям, чтобы они могли как следует его рассмотреть.

Услышав эти слова, Коффи застыла. Обычно они просто проводили Дико по сцене несколько раз, так что *это* было отклонение от привычного порядка. Она взглянула в глаза маме, но та не выглядела обеспокоенной. Она кивнула, и вместе они подвели Дико к купцу и его жене, остановившись от них сантиметрах в тридцати.

– *Восхитительно*. – Бвана Мутунга поставил чашку на столик и встал, чтобы рассмотреть существо как следует. Реагируя на внезапное движение, джокомото напрягся, но не двинулся с места.

– *Полегче, мальчик*. – Коффи пристально смотрела на Дико, надеясь, что он будет вести себя прилично. – *Полегче...*

Бвана Мутунга был впечатлен, но его жена была определенно другого мнения. Она вздохнула, затем снова наморщила нос.

– Оно *воняет*, – заявила она, вытащила маленькую склянку с парфюмом из сумочки, стоявшей рядом с ней, и принялась опрыскивать воздух. Запах, острый и пряный, тут же распространился по закрытому шатру. Дико глухо зашипел, а у Коффи пересохло в горле, когда она внезапно заметила, что одна из пряжек на шлейке разошлась.

– Я... – Коффи потянулась к петле, но тут же остановилась. Мама *дважды* говорила ей проверить, что поводок закреплен надежно. Если Бааз сейчас заметит, что что-то не так...

– Уфф! – Би Мутунга замахала веером еще быстрее, разгоняя аромат в воздухе. – Честно говоря, этот запах...

Все произошло быстро, но Коффи показалось, что прошло целое столетие. Она увидела, как желтый глаз Дико моргнул, глядя на нее, а затем он внезапно бросился вперед, и его челюсти клацнули у обутых в сандалии ног би Мутунги. Его зубы задели край ее платья. Она закричала, так резко отшатнувшись назад, что перевалилась через спинку дивана. Мама вскрикнула, а у Коффи упало сердце. Она быстро оттащила Дико прочь. Он снова успокоился, но было уже поздно.

– Оно... оно *напало* на меня! – Би Мутунга вскочила на ноги, прежде чем муж успел подойти к ней. По ее лицу бежали слезы и размазывалась сурьма. Она уставилась на расшитый край платья, теперь превратившийся в лохмотья, а затем посмотрела на мужа: – Дорогой, оно попыталось *убить* меня! Посмотри, что стало с моей одеждой!

Нет. У Коффи путались мысли, она была не в силах осмыслить произошедшее. Это было очень, *очень* плохо.

Купец обнял жену и постоял так несколько секунд, а затем обвиняюще ткнул пальцем в Бааза:

– Ты заверил меня, что шоу безопасно, Бааз! – сердито произнес он. – Мне сказали, что тут профессиональное заведение!

– Б-б-бвана. – Бааз, который обычно отлично справлялся с давлением, начал запинаться. – Я... я приношу свои глубочайшие, искреннейшие извинения. В следующий раз, когда вы придете, уверяю вас, этого...

– В *следующий* раз? – Бвана Мутунга недоверчиво поднял брови. – Моя жена пострадала, Бааз. Ноги нашей больше не будет в этом гнилом месте. Не говоря уже о том, чтобы *поддержать* его...

– Подождите! – Бааз широко открыл глаза – Подождите, сэр...

Он даже не договорил, а купец уже взял жену под руку и увел ее в ночь. Коффи слушала их шаги, пока они не стихли. Долгое время никто в Хеме не шевелился. Она подняла глаза и увидела, что все остальные зрители неотрывно глядят либо на нее, либо на Бааза. Он первым нарушил тишину:

– *Ты не удержала его.*

Бааз говорил пугающе тихо. Он больше не был веселым владельцем восхитительного Ночного зоопарка. Теперь он был просто Баазом, ее хозяином, и он был в ярости из-за нее.

– *Объяснись.*

– Я... – Коффи с отвращением услышала, как робко звучит ее голос. Она пыталась найти хоть какой-то достойный ответ, но безуспешно. Правда заключалась в том, что хорошего ответа *не было*. Она не закрепила поводок Дико, потому что забыла. Мама напомнила ей дважды, но она не сделала этого. Она думала о чем-то другом, она отвлеклась на мысли о том, что уже скоро...

– Ты *заплатишь* за это. – Слова Бааза резали ее, словно нож. – Тебя высекут у столба, а к твоему долгу добавят штраф – стоимость двух билетов, которых я только что лишился. По моим расчетам, это ваша зарплата примерно за шесть месяцев.

Слезы обжигали глаза Коффи. Порка – само по себе плохо, но штраф... *за шесть месяцев.* Им с мамой придется остаться в Ночном зоопарке, они никуда не уйдут.

Бааз повернулся к одному из зрителей, а затем показал на Коффи:

– Отведи ее к столбу прямо сейчас. Пусть ей преподадут урок...

– Нет.

Несколько зрителей вздрогнули, в том числе Коффи. Впервые после происшествия она посмотрела на мать, которая по-прежнему стояла по другую сторону от Дико. В ее карих глазах была странная решимость.

– Нет, – спокойно повторила мама. – Это я забыла застегнуть поводок Дико. Наказание и штраф должны быть наложены на меня.

Коффи резко вдохнула, пытаясь подавить внезапную волну боли. Мама врала. Она собиралась взять на себя вину, хотя ошибку допустила не она. Она приносила себя в жертву, буквально жертвовала свободой. Коффи заморгала, отгоняя слезы.

– Очень *хорошо*, – ухмыльнулся Бааз. – Тогда *ты* отправишься к столбу. – Он взмахнул рукой: – Уведите ее.

Коффи по-прежнему крепко сжимала поводок Дико онемевшими пальцами, глядя, как один из зрителей схватил маму за плечо и виновато посмотрел на нее. Мама держала голову прямо, но Коффи видела, как ее нижняя губа слегка дрожит – должно быть, от страха.

– Нет! – Коффи шагнула вперед, ее голос дрожал. – Мама, не...

– *Тихо*, Коффи. – Мамин голос звучал ровно. Их взгляды встретились. – Все в порядке. – Она снова кивнула зрителю, словно принимая окончательное решение, и они двинулись к выходу из шатра. С каждым шагом боль внутри Коффи нарастала.

Нет.

Это неправильно, это *нечестно*. Они вот-вот должны были уйти, *получить свободу*. Теперь эта искорка надежды потухла, и виновата в этом была *она*. Коффи скрипнула зубами и опустила взгляд на ноги, изо всех сил стараясь не заплакать. Этот Ночной зоопарк за одиннадцать лет украл у нее слишком многое. Эти слезы ему не достанутся.

Легкие напряглись, когда она сделала глубокий вдох и изо всех сил задержала дыхание. Кровь протестующе зашумела в ушах, сердце забилося быстрее, но она отказывалась выдыхать. Это было *ничтожное* сопротивление – битва, изначально обреченная на поражение, – но она наслаждалась этим жестом. Если она не может больше ничего контролировать в своей жизни, пусть хоть несколько секунд она будет контролировать хотя бы свое дыхание. Ее тело наполнило отчетливое ощущение триумфа, когда она наконец выдохнула, отпуская давление в груди.

А потом рядом с ней что-то разбилось.

Глава 4. Вера и стойкость

Когда Экон подошел к площадке храма Лкоссы, два молодых человека окинули его оценивающими взглядами.

Двадцать семь ступенек, делится на три, хорошее число.

Он занял свое место слева от них, не говоря ни слова, но парень, стоявший рядом с ним, все равно тихо усмехнулся. Он был ростом почти с Экона, с телосложением как у груды булыжников, но его длинное узкое лицо напоминало суриката. Через несколько секунд он кивнул Экону.

– Рад, что ты наконец присоединился к нам, Окоджо, – сказал Шомари.

Экон не ответил. Он не отводил взгляда от входных дверей перед ними. Они были вырезаны из старинного дерева ироко, непреклонного как сталь. В любую минуту мог прозвучать городской рог-саа, и тогда двери отворятся. И начнется обряд. Он позволил пальцам найти новый ритм.

Раз-два-три. Раз-два-три...

– Так... – На этот раз Шомари для убедительности сильно пихнул Экона локтем в ребра, сбив его со счета. – Где ты был?

– Нам не полагается разговаривать, Менса, – ответил Экон сквозь зубы, надеясь, что назвать парня по фамилии будет достаточно, чтобы до него дошло.

– Дай угадаю. – Взгляд черных глаз Шомари стал жестким. – Ты зарылся в какую-то дыру, читая древнюю чушь, написанную каким-нибудь заросшим грязью стариком. Ну, держу пари, женщины от этого *без ума*.

– *Мать твоя* от этого без ума, – буркнул Экон.

Фахим Адебайо, стоявший по другую сторону, хихикнул. Шомари стиснул зубы, словно собираясь ударить в ответ, и на мгновение показалось, что он действительно попробует это сделать, но затем он передумал и просто уставился вперед. Экон едва сдержал ухмылку. Он и Шомари были наследниками видных семейств народа йаба, поэтому они выросли вместе, но это не означало, что они друг другу нравились. За последние месяцы их соперничество, когда-то дружеское, совершенно изменилось. Оно никуда не делось – в от только перестало быть дружеским.

Все трое немного помолчали, а потом Фахим откашлялся. Он не был высоким, как Экон, или крепко сложенным, как Шомари, и его лицо по-прежнему выглядело мягким, из-за чего ему никогда не удавалось произвести по-настоящему серьезное впечатление.

– Как вы думаете, что нас заставят делать? – прошептал он. – В последнем обряде?

Шомари пожал плечами – слишком быстро:

– Без понятия. Мне все равно.

Это была ложь, но Экон не стал уличать его. В глубине души он знал, что у них есть все основания бояться. Всего несколько недель назад они стояли на этих самых ступеньках вместе с еще четырнадцатью парнями-йаба, которые, как и они, всю жизнь мечтали стать Сыновьями Шести. Теперь осталось лишь трое. На самом деле это должно было восхищать его – и слегка пугать, – но Экон никак не мог сосредоточиться. Он стоял перед самым почитаемым местом города, но его мысли по-прежнему блуждали где-то в городских трущобах, вспоминая странные слова той старухи.

Часто они призывают тебя? Меня они тоже иногда зовут. Не знаю точно почему, магия – странная штука, как и все, чего она касается.

Он не знал, что в воспоминаниях об этой встрече больше всего его пугало. Его ужасало, что он услышал папин голос так далеко от джунглей, но, что еще хуже, старуха *знала* об этом. Она *сочувствовала* ему и даже сказала, что иногда тоже слышит голоса из джунглей. Как?

Откуда она могла знать? Он никогда не рассказывал никому о том, что слышал, когда подходил близко к деревьям, о том, какие ужасы заполняли его память. От одной мысли об этом ладони сделались липкими. Пальцы дрогнули, готовые снова отбивать ритм, но тут его мысли прервала глухая дрожь. В ушах зазвенел металлический рев рога-саа – высоко, на одной из храмовых башен, – сотрясающий его кости с головы до ног. Затем последовала пауза, а потом, словно по команде, – скрип отмеченных временем дверей о камень. Входная дверь храма отворилась, и все трое тут же распрямились, когда кто-то выступил к ним из тени.

Массивный мужчина, одетый в свободный синий балахон, встретился с ними взглядом. Экон напрягся. По виду отца Олуфеме нельзя было сказать, что он стар, – на его темно-коричневом лице не было ни морщинки, а тонкие черные волосы были тронуты лишь несколькими нитями седины у висков, – но что-то в этом священнослужителе всегда выдавало возраст. Будучи Кухани, он один руководил храмом, главенствовал над братьями ордена и был лидером города – во многих смыслах. Экон ощутил, как меткий орлиный взгляд мужчины оценивающе изучает каждого из них.

– Идемте, – тихо сказал тот.

Сердце Экона заколотилось, как барабан из козлиной кожи, когда они вступили в храм следом за отцом Олуфеме.

Резные каменные стены молитвенного зала подсвечивали десятки белых свечей – примерно сто девятью, определил он, – расставленные на вырезанных в стенах полках, которые поднимались до самого куполообразного потолка. Запах горящего сандала все сильнее заполнял воздух с каждым шагом, который они делали в глубь храма следом за отцом Олуфеме, и Экон знал, что этот запах исходит от жертвенных огней, которые служители храма поддерживают постоянно. Это был запах дома. В храме Лкоссы были молитвенные залы, библиотека, кабинеты для занятий, даже общежитие, где могли в свободное от службы время спать претенденты и неженатые Сыны Шести. Храм был великолепным, полным благоговения, не похожим ни на одно другое место в городе. Экон заметил разноцветные стяги, сложенные в плетеные корзины, – через два месяца их предстоит раздать народу. Храм уже готовился к Связыванию, торжеству в честь богов. Пройти инициацию Сынов Шести накануне такого праздника – особая честь.

– Постойте. – Отец Олуфеме по-прежнему стоял к ним спиной, но его голос рассек тишину, как плоть. Экон торопливо отступил на положенное место, встав плечом к плечу рядом с остальными претендентами. Он сжал кулаки, чтобы не дать пальцам двигаться. Отец Олуфеме повернулся и снова оценивающе посмотрел на троих.

– Претендент Адебайо, претендент Менса, претендент Окоджо. – Он кивнул каждому из них поочередно. – Вы трое – последние оставшиеся претенденты, которые смогут стать воинами в этом сезоне. Вы близки к тому, чтобы присоединиться к священному братству, союзу вечному и божественному. Есть люди, которые готовы были бы отдать жизнь за то, чтобы стать его частью, и многие уже отдали ее.

Экон сглотнул. Он вспомнил о Мемориальном зале храма – тихом коридоре, на каменных стенах которого был высечен список павших Сынов. Он знал о том, что люди жертвовали жизнью ради этого братства. Имя его отца было в этом списке.

– Вы совершили пять обрядов на священном пути к тому, чтобы стать воинами. Теперь настало время последнего. Если вы справитесь, сегодня вы станете Сынами Шести. Если нет, ваше путешествие закончится. Согласно священному закону, второго шанса пройти обряды у вас не будет и вам будет запрещено о них упоминать.

Экон знал, что следовало бы внимательнее слушать отца Олуфеме, но сейчас это было почти невозможно. Восторг и тревога горячили его кожу, кровь разливалась по венам, быстрая и напряженная, так что стоять на месте становилось все сложнее.

«Вот оно, – подумал он. – Наконец-то все свершится».

Не услышав возражений, отец Олуфеме строго кивнул:

– Что ж, тогда начнем.

Он снова жестом пригласил их следовать за собой в молитвенный зал, а затем повел в один из соседних коридоров. Экон старался идти ровно. Они все дальше уходили во тьму, поворачивая и кружа по коридорам, пока ему не начало казаться, что они заблудились. Последние десять лет жизни он провел здесь, в храме, но теперь не был уверен, что в полной мере представляет себе его план. Через некоторое время они достигли потертой двери, которую освещал единственный настенный факел. Отец Олуфеме открыл дверь и повел их в маленькую комнату без окон. Экон застыл, увидев, что находится в ее центре.

Плетеная корзина из рафии, стоявшая на полу, была большой и круглой, похожей на те, что таскали, поставив на голову, женщины на рынке, но что-то с ней было не так.

Она *шевелилась*.

Не говоря ни слова, отец Олуфеме быстрым шагом подошел к ней, оставив их у двери. Если он и опасался ее содержимого, то ничем этого не выдал, снова повернувшись к ним:

– Повторите главу третью, стих тринадцать из Книги Шести. Несколько секунд ум Экона оставался пугающе пустым, а затем заученные слова слетели с губ.

– *«Благородный муж воздает честь Шестерым с каждым своим вдохом, – произнес он одновременно с Фахимом и Шомари. – Он прославляет их непрестанно словами своего языка, мыслями своего ума и делами своего тела столько, сколько ему доведется прожить среди богобоязненных людей».*

Отец Олуфеме кивнул:

– Посвященный воин, *истинный* Сын Шести, должен всегда быть послушным. Он должен отвечать только перед шестью богами и богинями нашей веры и перед теми, через кого они говорят. Понимаете ли вы это, претенденты?

– Да, отец, – хором ответили они.

– А вы понимаете, – отец Олуфеме взглянул на Экона, – что, если вам приказывают действовать во имя Шести, вы *всегда* должны подчиняться, не медля и не сомневаясь?

Экону показалось, будто он стоит на краю, готовясь прыгнуть в неведомую бездну. Он взглянул на странную шевелящуюся корзину, а затем ответил:

– Да, отец.

– Тогда вы готовы.

Не говоря больше ни слова, отец Олуфеме наклонился и поднял крышку корзины. Послышался тихий звук, шорох. Он жестом пригласил их подойти поближе. С каждым движением Экон все сильнее ощущал неправильность происходящего, нарастающее желание сбегать, но он заставлял ноги делать шаг за шагом, пока не оказался в нескольких десятках сантиметров от отца Олуфеме. Но когда он увидел, что в корзине, его кровь похолодела.

Золотисто-коричневые змеи сплелись в узел, извиваясь и свиваясь в неразделимой массе. Они не шипели и будто не замечали, что на них смотрят, но по рукам Экона все равно пробежали мурашки. Было невозможно разобрать, где кончается одна змея и начинается другая. Его пальцы барабанили, пытаясь найти ритм.

Слишком много. Не сосчитать. Не сосчитать.

Новая волна тревоги поднялась к горлу, и он обнаружил, что не может ее проглотить. Он мало знал о змеях, но был почти уверен, что *этих* знает. Поверх их переплетенных тел лежали три розоватых кусочка пергамента, которые опускались и поднимались в такт движениям. На каждом из них было что-то написано, но он стоял слишком далеко, чтобы прочитать.

По крайней мере, их три – хорошее число.

Шомари шагнул вперед первым, потянувшись к рогатке, висящей на поясе, но отец Олуфеме удивительно быстро остановил его руку:

– Нет.

Глаза Шомари расширились от удивления, но отец Олуфеме заговорил, предупредив его вопрос.

– Это восточные черные мамбы, – пояснил он. – Их здесь шесть, каждая из них представляет бога или богиню. Они посвящены этому храму, и им нельзя причинять вред.

Экон напрягся. Ему не нравилось, к чему все идет. Отец Олуфеме сказал, что змей шесть, но он не мог различить их, а значит, не мог посчитать. *И это* пугало его до глубины души. Все инстинкты призывали его убежать или, по крайней мере, отойти подальше, но он не мог пошевелиться.

– Сын Шести – муж, идущий путем веры и стойкости, – продолжал отец Олуфеме. – Сегодня ваши вера и стойкость подвергнутся испытанию. На кусках пергамента, лежащих в этой корзине, написаны ваши фамилии. – Он указал на них. – Для вашего последнего обряда вам нужно забрать свое имя так, чтобы вас не укусили змеи. В порядке алфавита, по фамилии.

По шее Экона заскользили новые капельки пота, и дело было не в том, что в тесной комнате стояла удушающая жара. Он в панике пытался вспомнить все, что знает о черных мамбах. Считалось, что это самые ядовитые змеи на континентах: одного укуса достаточно, чтобы убить человека за несколько минут. Судя по тому немногому, что он о них читал, они не были особенно агрессивными по своей природе, но если их спровоцировать... Он посмотрел на других претендентов. Ноздри Фахима раздувались, он тяжело вдыхал и выдыхал через нос. У Шомари расширились зрачки. Оба заметно дрожали. Словно дожидаясь этого момента, одна из змей немного подняла голову, высунула ее из корзины и с любопытством посмотрела на них. Она открыла сине-черный рот, и в тусклом свете на клыках блеснул яд. Экон застыл.

– Претендент Адебайо, – произнес отец Олуфеме. – *Приступайте.*

Экон смотрел, как Фахим медленно подошел к корзине, дрожа с головы до ног. Он начал наклоняться, а затем, словно решив, что это не самое удачное решение, опустился на колени. Змеи повернулись к нему – шесть пар блестящих черных глаз выжидательно следили за ним. Фахим протянул руку, но тут же отдернул ее, когда одна из змей зашипела. Отец Олуфеме покачал головой.

– Они *посвящены богам*, а значит, они кусают только недостойных, – тихо произнес он. – Ты должен действовать без страха, ты должен действовать с *верой*.

Фахим кивнул, собираясь с духом. Его грудь поднималась и опускалась. Он перенес вес на другую ногу, размял пальцы, а затем – так быстро, что Экон едва заметил, – выхватил из середины корзины кусок пергамента. Он отшатнулся назад, не удержал равновесие и сел на пол, а затем поднял листок к глазам и прочитал написанное на нем имя. Его мышцы тут же расслабились, и он передал пергамент отцу Олуфеме. Тот кивнул:

– Очень хорошо. Претендент Менса, ваша очередь.

Шомари был более уверен в себе, чем Фахим, но ненамного. Он обошел корзину, словно хищник, изучающий добычу, настороженно глядя на два оставшихся кусочка пергамента и пытаясь понять, на каком из них его фамилия. Но когда он опустился на колени перед корзиной, его трясло так же сильно. В отличие от Фахима, он протянул руку болезненно медленно и осторожно. На его верхней губе скапливался пот, а пальцы зависли над сплетенными в узлы змеями. Он ухватил один из кусочков пергамента, а затем отвел руку. Он выпрямился, и по комнате разнесся нервный смех. Отец Олуфеме забрал у него листок. Прочитав написанное на нем, он снова кивнул и жестом показал Шомари встать рядом с Фахимом. Экон поморщился, когда священнослужитель посмотрел на него.

– Претендент Окоджо, *вперед.*

Экон снова попытался сглотнуть, но ощутил, что в горле пересохло. Он считал шаги – четыре, *плохое* число. Ноги двигались будто сами по себе, когда отец Олуфеме в последний раз показал на корзину, а затем отошел, освобождая ему дорогу. Наконец Экон заставил себя

посмотреть вниз. Там, прямо в центре корзины, он увидел последний кусок пергамента. На нем густыми черными чернилами было написано имя.

«ОКОДЖО»

Вот оно. Этот листок – последнее, что стояло между ним и всем, ради чего он трудился. Он медленно опустился на колени, не обращая внимания на то, как в них впирается твердый камень. Словно каким-то образом догадавшись, что он последний, кто их потревожит, мамы громко зашипели в унисон. Их холодные глаза уставились на него, черные, словно кусочки оникса, отколотые от беззвездного ночного неба. Он вспомнил, что сказал отец Олуфемии.

Они кусают только недостойных.

Он сглотнул. Что, если он недостойн? Он подумал о джунглях, о том, что он сделал, – и о том, чего *не* сделал. Он подумал о старухе, о тайне, которую скрывал, и о монстре – казалось, все *всегда* приводит к монстру. Он подумал о голосе, который заполнял его кошмары.

«Пожалуйста. – Папин голос в его мыслях звучал глухо и нечетко, полный боли. – Сынок, пожалуйста».

Нет. Экон крепко зажмурился. Он заставил себя подумать о Камау, о храме, о том, как они жили здесь после смерти папы. Он вытеснил видения Великих джунглей воспоминаниями о тренировках на поляне перед храмом в иссушающую жару, о запахе рисового хлеба, который пекся в кухне, о библиотеке, полной книг, которые он мог пересчитывать сколько угодно, снова и снова.

«Будь сильным. – В его сознании зазвучал голос Камау, ободряющий и уверенный, как всегда. – Ты справишься. Кутока м'зизи».

Кутока м'зизи. В словах было шесть слогов. Шесть – *хорошее* число. Он медленно открыл глаза. Свободной рукой Экон барабанил пальцами по боку, находя прежний ритм, и в такт ему напевал слова предков.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Кутока м'зизи. Кутока м'зизи.

Этот вечер изменит все. После него он наконец станет частью чего-то, частью братства.

Кутока м'зизи. Кутока м'зизи. Кутока м'зизи.

В глазах своего народа, в глазах *города* он станет уважаемым воином, мужчиной. Дети будут восхищенно смотреть на него, девушки будут замечать его. Папа, по крайней мере, сможет им гордиться, даже если он этого не увидит. Наверное, мама тоже гордилась бы им.

Кутока м'зизи.

Собравшись с духом, он протянул руку к корзине, вытянув пальцы к змеям. Он сделает это так же, как Шомари, медленно и осторожно. Он отсчитывал дистанцию, которая уменьшалась сантиметр за сантиметром.

Девять, шесть, три...

Дверь с грохотом распахнулась – так внезапно, что Экон вскочил на ноги, выхватив ханджари, еще до того, как разглядел вошедшего. Затем, увидев, кто это, он растерянно опустил клинок.

На них смотрел молодой человек с факелом, в небесно-голубом кафтане, промокшем от пота у шеи. Он был высоким, широкоплечим, с коричневой кожей. Он запыхался, и его грудь шумно поднималась при каждом вдохе. Он был из Сынов Шести.

– Кухани. – Воин ударил кулаком по груди, приветствуя их, и поклонился в пояс.

– Воин Селасси, что все это значит? – Экон никогда не видел отца Олуфемии в таком гневе. Губы святителя сжались в тонкую линию, толстая вена на виске опасно пульсировала. – Как ты *посмел* прервать священный обряд...

– Простите меня, отец. – Фахим и Шомари переглянулись. Воин поклонился снова, еще глубже. Впервые Экон заметил, что парень дрожит. Когда он снова заговорил, его голос звучал сдавленно:

– Каптени Окоджо приказал мне найти вас немедленно.

Сердце Экона пропустило удар. Этого воина послал *Камау*? Осознание этого заставило его насторожиться. Что-то было не так.

Черты лица отца Олуфеме заострились.

– Что случилось? Говори.

Воин Селасси распрямился и посмотрел в глаза отцу Олуфеме.

– Ночной зоопарк Бааза Мтомбе, – прошептал Селасси. – Он горит.

Удивительные вещи. Адия

– Бвана и би Боладжи, спасибо, что пришли так быстро.

Стоя рядом с отцом Масего, я наблюдаю, как родители медленно поднимаются по последним ступеням храма Лкоссы, и стараюсь сдерживать волнение. Возможно, дело в серо-стальном небе, которое нависает над нами и отбрасывает мрачную тень на все, как обычно бывает днем в это время года, но сегодня они оба выглядят особенно уставшими и истощенными.

На деле я знаю, что они всегда такие.

Родители пришли на другой конец города, потому что за ними послал отец Масего. Обычную улыбку на лице папы сменила тонкая напряженная линия губ, и я понимаю, что ему больно. Подъем по такой лестнице, как эта, плохо сказывается на его спине, сгорбленной после многих лет работы в полях. Я смотрю на его ладони, покрытые мозолями. Они такие большие, что могут полностью скрыть мои. У него темно-коричневая кожа и круглое лицо. Говорят, что я пошла в него. Рядом с ним мама, ее тронутые сединой косы уложены в высокий узел. Она поддерживает его под локоть, когда они наконец поднимаются на площадку. Ее глаза цвета темной меди неотрывно смотрят на меня.

Ничего хорошего.

– Кухани. – Мама приветствует отца Масего сдержанным почтительным поклоном. Папа следует ее примеру, хотя и более неуклюже. – Ваше сообщение, которое мы получили сегодня утром, очень удивило нас. Мы с мужем были на работе, понимаете, и нам платят по часам...

– Приношу извинения за то, что оторвал вас от ваших дел, – произносит отец Масего. Сегодня на нем простые синие одежды, но седые дреды, собранные в хвост сзади, и ухоженная борода придают ему возмутительно царственный вид. – Но я боюсь, что дело срочное.

Впервые мама переводит взгляд с меня на отца Масего. На ее лбу появляется тревожная морщина.

– Все в порядке? Что-то случилось?

– Что ж... – Отец Масего ненадолго замолкает, словно подбирая слова. – Можно и так сказать. С вашей дочерью сегодня утром произошел один случай.

Я чувствую, как старик смотрит на меня, но не отвечаю на его взгляд.

– Пообщавшись с несколькими свидетелями произошедшего, – продолжает он, – я решил, что лучше всего поговорить с вами лично – и немедленно.

– Адия Боладжи.

Полное имя. *Совсем* ничего хорошего. На этот раз я невольно поеживаюсь, когда ощущаю хлесткий взгляд мамы, острый, как клинок. Даже папа выглядит печальным.

– Что она натворила *на этот раз*?

– Ничего! – Мой голос звучит до отвращения высоко, будто выдавая вину. Я почти подросток, но голос звучит все равно как у ребенка. Я смотрю куда-то между родителями, а потом торопливо продолжаю: – Я хочу сказать... это была *случайность*. Брат Исоке...

– Сейчас получает необходимую помощь в храмовом лазарете, – произносит отец Масего. Он поворачивается к родителям: – Насколько я понял, этим утром он занимался с Адией и еще несколькими юными дараджами, когда она продемонстрировала слишком много... энтузиазма.

– Энтузиазма? – Папа растерянно хмурит лоб.

Отец Масего кивает.

– В этом упражнении ученики должны были призвать небольшое количество сияния из земли и позволить ему пройти через них, а затем тут же выпустить его. Адия призвала намного больше, чем ожидал брат Исоке, и когда он попытался поправить ее стойку, она словно...

– Ох, да ладно, волосы у него снова отрастут! – фыркнув, перебиваю я. – Ну... *в конце концов*.

Услышав это, родители вздрагивают. Маме приходится схватить папу за руку, чтобы не дать ему опрокинуться назад, на ступени. Пошатнувшись, он в ужасе смотрит на меня. Раньше я уже видела этот взгляд, и мне больно видеть его снова. И мне так же больно, что отец Масего жалуется им на меня. *Я не виновата*, что сияние земли так охотно приходит ко мне. Так было всегда, сколько я себя помню. Я хмуро гляжу на него и шевелю пальцами ног, ощущая, как сияние приятно покалывает ступни. Если бы я захотела, я могла бы, наверное, спалить его дурацкую бороду. Словно прочитав мои мысли, он предупреждающе смотрит на меня и незаметно смещается влево, чтобы оказаться немного дальше.

– *Возможно*, – мягко произносит он, – нам следует продолжить этот разговор у меня в кабинете?

Мама отпускает папу, берет за руку меня – не слишком мягко, – и мы входим в храм Лкоссы следом за отцом Масего. В это время суток большинство братьев и Сынов Шести заняты – учатся, молятся или патрулируют город. Мы поднимаемся по лестнице – медленно, чтобы папа не отставал, – а затем отец Масего проводит нас в тщательно отполированную деревянную дверь. Мне не слишком нравится находиться внутри храма, *в особенности* в личном кабинете Кухани. Комната вытянутая, прямоугольная, но из-за того, что вдоль обеих стен выстроились бесконечные книжные шкафы, кажется, будто я оказалась в тесной клетке. Я вспоминаю лучшего друга, Тао, – ему так бы понравилось здесь. Я знаю, что он иногда тайком пробирается в библиотеку, когда не занят своими обязанностями в храмовой кухне. *Он* мог бы провести целый день, уткнувшись носом в книгу. В отличие от меня, он умеет долго сидеть на одном месте.

Отец Масего устраивается в кожаном кресле за столом и жестом предлагает родителям занять два таких же напротив него. Мне не хочется думать об этом, но они оба выглядят до боли нелепо и неуместно в своей крестьянской одежде. Туника папы вся в заплатках, а мамино рабочее платье растянуто и выглядит слишком большим для ее костлявой фигуры. На мгновение мне становится стыдно за них, а потом я ненавижу себя за это. Мама и папа пожертвовали столь многим, чтобы я оказалась здесь. Я не имею права за них стыдиться. Примечательно, что для меня кресла в кабинете не осталось, так что приходится встать между родителями. Отец Масего снова обращается к ним:

– Скажу вам прямо, бвана и би Боладжи. – Он сплетает длинные пальцы. – Два года назад, когда Адие было десять лет и вы впервые привели ее сюда, чтобы мы оценили ее способности, я сказал вам, что уверен: при надлежащей тренировке она станет талантливой дараджей. – Он медлит, глядя между ними. – Боюсь, я ошибся.

В комнате будто становится холоднее. Я вижу, как мама выпрямляется в кресле, а папа напрягается. Я слышу, как в моей голове нарастает гул – все громче и громче с каждой секундой, и я пытаюсь сдержать урчание в животе. Вот оно, понимаю я. Отец Масего сейчас изгонит меня из храма. Он скажет родителям, что мне больше нельзя обучаться здесь. Я буквально слышу, как разбиваются их сердца по мере того, как они осознают, что случилось. Два года бесконечных жертв – все впустую. Они больше не смогут надеяться, что их дочь станет кем-то большим, чем простая сборщица урожая, что они смогут ею гордиться. Вина сжимает горло, и я смотрю в пол, а горячие слезы подступают к глазам.

– Но вот что я *хочу* сказать...

Я поднимаю взгляд. Отец Масего больше не смотрит на родителей – он тщательно рассматривает меня. Мне приходится приложить все усилия, чтобы не съежиться под этим взглядом. Его круглые пронзительные карие глаза напоминают мне совиные.

– Теперь я думаю, что серьезно недооценил потенциал Адии, – продолжает он. – Однажды я сказал, что она *может* стать могущественной дараджей, но теперь мне очевидно, что она *уже* ею является. На самом деле Адия – обладательница самого могущественного дара,

который я только встречал за свои семьдесят два года. Ей всего двенадцать лет, но ее способности уже исключительны.

Если до этого в кабинете похолодало, то теперь тепло возвращается в него в два раза быстрее. Я чувствую, как в воздухе разливается облегчение, словно с каждым ударом сердца в комнату возвращается жизнь. Мама и папа расслабляются в креслах, и хотя я по-прежнему волнуюсь, я отчетливо ощущаю гордость.

Исключительны.

Отец Масего, главный во всем храме и во всем городе, считает, что мои способности использовать сияние – *исключительны*. Меня *не* исключают, и я *не* безнадежна. У меня еще будет шанс показать, чего я стою, добиться, чтобы родители жили лучше. Как только я пройду обучение и стану настоящей дараджей, я смогу зарабатывать достаточно, чтобы делиться с ними. У нас есть шанс на лучшую жизнь. Есть *надежда*.

– Значит, вы считаете, что с нашей девочкой все будет... в порядке? – Папа наклоняется вперед, умоляюще глядя на отца Масего. Я слышу в его голосе тихую радость, и у меня сжимается сердце. Отец Масего отвечает ему доброй улыбкой.

– Разумеется, – произносит он. – Я уверен, что Адия через несколько лет добьется больших успехов, как только завершит обучение.

Обучение. Когда я слышу это, мне хочется немедленно вернуться на площадку перед храмом, чтобы продолжить тренировки. Я хочу отрабатывать упражнение, которому брат Исоке пытался научить меня раньше, и хочу на этот раз сделать его правильно. Может, я смогу...

– *Но.* – Отец Масего по-прежнему смотрит на меня. – Адия, хотя я одарил тебя совершенно заслуженной похвалой, вместе с ней я не могу не дать тебе и совет. «Кому много дано, с того много и спросится». – Он стучит пальцем по толстой кожаной обложке книги, которая лежит в углу стола. – Так говорится в Писании. Знаешь, что это означает?

Я качаю головой, потому что, честно говоря, не знаю. Отец Масего улыбается еще шире.

– Это означает, – поясняет он, – что раз у тебя есть такая примечательная способность использовать сияние, тебе нужно будет работать очень, *очень* усердно, чтобы правильно и безопасно направлять его. Тебе понадобится учиться усерднее, тренироваться больше...

– Я буду...

– ...и выполнять указания учителей во время занятий. – Он сухо усмехается. – Также это означает, что больше нельзя допускать таких случаев, как сегодня утром. Понимаете, юная леди?

– Да, отец. Это больше не повторится. – Я отвечаю мгновенно, и я не вру. Отец Масего иногда бесит меня, но на самом деле... я *хочу*, чтобы он мной гордился, так же как хочу, чтобы мной гордились родители. Я не хочу, чтобы меня выгнали отсюда.

Я не хочу провалиться.

– *Хорошо.* – Отец Масего встает, а следом родители. – Я на тебя рассчитываю, Адия, – произносит он. – Я уверен, что однажды ты совершишь удивительные вещи.

Глава 5. К звездам

Коффи поежилась, когда что-то горячее обожгло ее кожу.

Грохнул взрыв, такой оглушительный, что дрогнул весь шатер. Вспыхнул бело-золотой свет. В следующее мгновение она почувствовала обжигающую боль, как что-то теплое стекает по предплечьям, а монстры и их зрители одновременно удивленно вскрикнули. На долгую секунду все перед глазами расплылось, и она несколько раз моргнула, прежде чем картинка обрела четкость снова. Коффи медленно осмыслила то, что видела перед собой.

Ближайший стол перевернулся, покрывавшая его скатерть, когда-то белая, теперь выпачкалась в грязи, часть стола обгорела до углей, а рядом с ее ногами землю пятнало что-то красное, слишком яркое, чтобы оказаться кровью. С опозданием она поняла, что это воск, *свечной* воск, и, присмотревшись, она увидела, что он повсюду – даже на ее руках. Это объясняло боль, но она не поняла, что произошло. Несколько секунд назад свеча мирно горела в золоченом канделябре. Теперь от нее остались лишь крохотные язычки пламени, затухавшие на земле. Свеча будто *взорвалась*. Коффи растерянно осмотрелась. Свеча взорвалась в тот же момент, когда она выдохнула, но... это же явно была случайность, так ведь? Никаких других объяснений не было, но она чувствовала себя странно. Ее кожа – до этого неприятно горячая – теперь стала влажной и холодной, а ступни покалывало, будто она слишком долго просидела, скрестив ноги. Чем дольше она смотрела на затухающие остатки свечки, тем труднее было игнорировать вопрос, который складывался в сознании.

Это я сделала?

Нет, конечно, нет. Эта идея была нелепой, нелогичной, и все же... Она вспомнила, как давление нарастало в ее груди, а затем она ощутила восхитительное чувство освобождения. Тепло пронзило ее тело, согрело ее руки и ноги, а затем вышло через ладони. Что-то произошло, она не знала, что именно, и чем дольше об этом думала, тем тревожнее себя чувствовала.

Я сделала это. Это из-за меня.

Остальные зрители по-прежнему потрясенно взирали на место, где была свеча. Впрочем, некоторые из них уже оглядывались по сторонам, пытаясь понять, что загорелось. Коффи ощутила, что на нее смотрит только пара глаз, и подняла взгляд.

Мама.

Ее мама – единственная в Хеме, кто смотрел не на взорвавшуюся свечу, а на Коффи. В ее взгляде был неприкрытый ужас.

– Спокойно!

Бааз, который по-прежнему стоял посреди шатра, выкрикнул команду во весь голос, а затем бросил сердитый взгляд на остатки пламени, словно рассчитывал задушить их своей строгостью.

– Когда-нибудь вы, идиоты, научитесь смотреть, куда идете, и не ронять свечи. Всем сохранять спокойствие, выводите животных по одному. – Он повернулся к мускулистому зрителю, стоявшему позади него: – Досу, сбегай к колодцу и принеси воды. Гвала, отведи Рашиду к столбу. Я буду через минуту...

Коффи перевела взгляд на Дико и тут же застыла. Джокомото, сидевший рядом с ней, внезапно замер пугающе неподвижно, глядя на разрастающийся огонь. В желтом взгляде ящерицы читалось выражение, которое невозможно было ни с чем спутать. *Голод*. Коффи мгновенно выпустила поводок.

– Всем нужно выйти. – Она едва не запуталась в ногах, отступая от Дико. Ей показалось, что она услышала чей-то вскрик. – Нам нужно выйти, немедленно.

Краем глаза она заметила, что взгляд Бааза стал еще более мрачным и угрожающим.

– Заткнись, девчонка! – рявкнул он. – Нет никакой...

– Говорю вам, нужно *убираться!* – Голос Коффи стал выше на октаву, но она ничего не могла с этим поделать. Она перевела взгляд с Бааза на Дико. Джокомото так и не шевельнулся, и под его чешуей зарождалось красно-золотистое сияние. – Пожалуйста. – Она оглянулась через плечо. – Пожалуйста, всем нужно...

Кто-то грубо схватил ее за руку, и она обнаружила себя лицом к лицу с Баазом. Его черты исказила ярость. Он либо не замечал, что происходит с Дико, либо ему было уже все равно.

– Я сказал *заткнись*, – прошипел он сквозь зубы. – Это *мой* зоопарк, а не твой. Я решаю, кто выходит из шатра и когда, а не ты, грязная мелкая...

Дальнейшие события происходили невероятно быстро. Раздался оглушительный визг, такой невыносимый, что некоторые зрители попадали на колени. Коффи ощутила, что Бааз выпустил ее, и упала на землю в тот момент, когда весь шатер содрогнулся еще раз и его заполнила яркая вспышка. Волосы у нее на затылке встали дыбом, и она сжалась в клубок, прикрыв голову руками. Воздух пронзил долгий крик, а затем к нему присоединился хор прочих. Не поднимая головы, она слушала топот ног и лап. Животные в панике пробежали рядом с ней. Наконец она рискнула поднять голову. И когда она сделала это, ее сердце остановилось.

Дико.

Теперь он возвышался посреди шатра, сияя, словно стоял на невидимом источнике белого света. У него изо рта жуткими желто-золотыми волнами вырывался огонь, сжигая все, до чего дотягивался. Так он спалит весь шатер.

– Коффи!

Коффи посмотрела направо. У другой стены стоял Джабир, оглядываясь по сторонам. Его окружали скулящие псы. Он лихорадочно высматривал что-то. Коффи открыла рот, чтобы окликнуть его по имени, но тут в ее сторону метнулась какая-то горилла, и ей пришлось откатиться. Когда она села снова, Джабира уже не было видно.

– Шевелись!

Что-то больно ткнулось ей в ребра – кто-то споткнулся о нее, рухнул на землю и вскрикнул. Она снова откатилась в сторону. Воздух в шатре становился все темней и гуще, заполняясь дымом, с каждой секундой становилось трудней дышать, и было почти ничего не видно. Справа от нее гуимала, за которой теперь никто не следил, нервно бегала кругами, пока не врезалась в центральный шест шатра – и вся конструкция пугающе задрожала. Послышался металлический лязг, который смешивался с новыми криками, – сотни колышков, один за другим, вырывались из земли, больше неспособные удержать шатер. Коффи в ужасе смотрела вверх.

– Вниз!

Кто-то дернул ее вниз, заставляя прижаться к полу. Полотнища алого шатра начали складываться, с пугающей скоростью занимаясь пламенем. Кто-то прикрыл ее собой, защищая от самых крупных обломков. Повернув голову, Коффи увидела, что в нескольких сантиметрах от ее лица – лицо другого человека. Мама. Она как-то добралась до нее.

– Держись позади меня, – сказала она. – Ползи!

Она жестом приказала Коффи двигаться следом за ней – по коврам, на четвереньках. Животные и зрители, которым не удавалось выбраться из шатра, продолжали кричать. Выход уже обрушился, и куски конструкции продолжали падать. В нескольких десятках сантиметров от них, на другой стороне шатра, виднелась щель – там, где край Хемы слегка отошел от земли. Это был небольшой просвет, но если они в него проберутся...

В ладони и колени Коффи впились куски разбитого стекла. Клубы дыма наполняли легкие каждый раз, когда она с трудом делала вдох. Пожар усиливался, становилось все жарче, но она не останавливалась. В отчаянии ей казалось, будто щель в шатре становится все дальше, а не приближается. У ее лица танцевали искры, и она отмахивалась от них окровавленной рукой.

«*Боги, – молилась она. – Пожалуйста, только бы волосы не загорелись.*»

Ее уши заполнил ужасный звон, и она открыла рот, чтобы окликнуть маму, но вместо этого вдохнула ядовитый жар. Силуэт мамы, которая по-прежнему ползла впереди, становился все менее четким, его было уже сложно различить в дыму, среди падающих на них кусков шатра. Коффи попыталась вдохнуть еще раз, но лишь втянула сухой воздух. Он обжигал. Она снова дернулась, когда кто-то наступил ей на ноги. Она понимала, что в любую минуту ее силы могут закончиться. Она просто не сможет двигаться дальше.

– Коффи! – окликнула ее мама откуда-то из темноты. – Держись за меня!

Но было слишком поздно. Коффи не видела и не чувствовала ничего, кроме дыма и крови. Ее мысли затуманились, и мир покосился, когда она упала. Она ожидала боли, неизбежного столкновения с землей, но так ничего и не почувствовала. Послышался громкий треск – обрушилась еще одна секция шатра, – затем еще один долгий, полный боли крик. Сильные руки подхватили ее, потянули и потащили навстречу холодному ночному воздуху.

– Коффи!

Мир по-прежнему был темным и расплывчатым, но Коффи почувствовала, как кто-то мягко хлопает ее по щеке, и попыталась выпрямиться. Моргая изо всех сил, она разглядела, как мама смотрит на нее.

– Вставай! Мы не можем здесь оставаться!

Коффи вдохнула чистый воздух, и мир снова стал прежним. Теперь они были снаружи, в нескольких шагах от горящей Хемы. Как только она встала, мама схватила ее за руку и пустилась бежать.

– Животные, – объяснила она на ходу. – Помоги мне с ними!

Коффи оглянулась. Теперь Хема пылала вся, словно гигантский костер, и пламя быстро распространялось на другие части Ночного зоопарка. Она слышала блеянье, фыркание и визг животных, запертых в клетках, – жар подбирался к ним, и у нее внутри все сжалось.

– Быстро! – Мама показала на вольер с птицами, а сама бросилась к загону с паникующими куду. Не задумываясь, Коффи распахнула ворота обреченного вольера и выпустила птиц – они взмыли вверх, окрасив ночь радугой перьев. Пара зрителей растерянно наблюдали за ней, а потом поняли, что она делает, и побежали на помощь другим животным. Коффи выпустила шимпанзе, детеныша боевого бегемота и зебру. Она была так ошарашена воцарившимся хаосом, что сначала даже не услышала уханье. А когда услышала, у нее похолодела кровь.

Воины.

Конечно, они увидели из города дым и пламя и явились выяснить, что здесь происходит. Ее пробрала дрожь. Воины Лкоссы, Сыны Шести, не славились состраданием. Внезапно мама снова появилась рядом с ней.

– Нужно уходить! – Голос мамы звучал напряженно, ее глаза были широко раскрыты. – Немедленно!

Коффи вздрогнула.

– А как же наши долги?

Мама схватила ее за плечи, сжав их так сильно, что ей почти стало больно.

– Мы *не можем* здесь оставаться, – настойчиво произнесла она. – То, что произошло в шатре... Если Бааз поймет, что ты сделала, поймет, кто ты, ты никогда отсюда не уйдешь.

Поймет, что ты сделала, поймет, кто ты. Эти слова прозвучали странно, как-то неправильно, но у Коффи не было времени размышлять над ними, потому что мама пустилась бежать по траве, по территории Ночного зоопарка, увлекая ее за собой. Ноги протестовали на каждом шагу, но она изо всех сил старалась не отстать. Вокруг вспыхивали яркие картины.казалось, что все оставшиеся обитатели Ночного зоопарка вырвались на свободу и теперь топотали вокруг, пытаясь найти выход. На территории зоопарка запылало еще несколько пожаров, и воздух пронзали крики не только животных, но и зрителей. Коффи вздрогнула, обшаривая взглядом периметр. Она поежилась, ощущая, как ноги снова начинает покалывать, и на этот

раз почувствовала, как что-то тянет внутри, под пупком, а затем странное ощущение снова пронзило ее. Она повернула голову в сторону, откуда оно исходило, и ее окатила волна облегчения. Ночной зоопарк окружала огромная кирпичная стена, но на одном из ее участков вниз свисали толстые виноградные лозы.

– Мама! – Коффи показала на лозу. Проследив за ее взглядом, мама кивнула и повернула в эту сторону. Они остановились у основания высокой сцены.

– Залезай! – Мама оглянулась через плечо. Они были здесь одни, но, наверное, лишь на несколько секунд.

Коффи не стала медлить. Лоза сплеталась в темно-зеленый занавес. Коффи обхватила один из стеблей голыми ногами и подтянулась. Она ухватилась как можно выше, но ее ладони пронзила боль. Отпустив лозу, она увидела, что та испачкана кровью. Она поранила ладонь, когда выбиралась из-под обломков Хемы.

– Быстрее! – поторопила мама.

– Я ладони порезала!

Мама оторвала две полоски от полы туники.

– Обмотай этим!

Коффи подчинилась и попробовала еще. На этот раз, когда она ухватилась за лозу, боль оказалась терпимой. Тянувшее ощущение под пупком никуда не делось – оно подталкивало ее вперед, когда она сантиметр за сантиметром подтягивалась вверх по стене. Казалось, она лезет уже целое столетие, но постепенно стал виден верхний край. Звезды мерцали в поднимающемся дыме, и Коффи ориентировалась по ним. *«Тянись вверх, – говорила она себе. – Просто продолжай двигаться».*

– Не останавливайся! – окликнула мама снизу. Коффи ощутила еще один всплеск глубокого облегчения, когда ее перевязанные руки наконец смогли опереться на край – плоскую каменную поверхность, достаточно широкую, чтобы она смогла подтянуться и усесться на нее, как птица на насест. Она посмотрела вниз, ожидая, что увидит, как мама поднимается следом, – и триумф превратился в ужас.

Мама по-прежнему была примерно в метре от нее. Она лихорадочно карабкалась по лозе, то и дело в панике оглядываясь через плечо. Коффи проследила за ее взглядом, пытаясь понять, в чем дело. Ее горло сжалось, когда она наконец поняла, куда смотрела мама.

Два молодых человека в простых коричневых кафтанах бежали по траве, явно к ним, и их силуэты расплывались на фоне кроваво-оранжевого свечения бушующего пожара.

Сыны Шести. Они хотят задержать их.

– Давай! – Коффи перегнулась через стену, настолько далеко, насколько смогла, вытянула пальцы. – Хватай руку!

Но если мама и слышала или видела ее, она никак не отреагировала. Теперь ее взгляд метался туда-сюда, как у зайца в ловушке, – она в панике смотрела то на лозу, то на приближающихся воинов, то снова на лозу. Она отчаянно попыталась запрыгнуть повыше, но в результате только сползла вниз.

– Мама, пожалуйста! – Коффи протянула руку, понимая, что если наклонится еще немного, то упадет вперед. Она и так едва удерживала равновесие. Наконец мама, похоже, поняла. Она подняла взгляд и потянулась к руке Коффи, не заметив летящий в ее сторону маленький черный камень. С жутким треском он впечатался ей в затылок. Она едва слышно вскрикнула, глаза закатились так, что обнажились белки, и Коффи поняла, что сейчас произойдет.

– Нет!

Кончики их пальцев соприкоснулись и расцепились. Кажется, прошла тысяча лет – а потом мама упала на землю безвольной грудой. Коффи ждала, чувствуя, как колотится сердце, но мама не шевелилась.

– Поймал!

Кто-то выкрикнул эти слова издалека, но Коффи не стала поднимать взгляд на того, кто их произнес. Слишком темная кровь собиралась на траве под маминой головой, словно корона. Она пропитывала ее платок и выбившиеся из-под него черные кудри. В этот момент Коффи поняла. Это было то же ужасное понимание, которое она ощутила, когда однажды, давным-давно, закрылись глаза отца – и она поняла, что он не уснул, а ушел куда-то далеко-далеко. Медленный ужас поднимался у нее внутри, сжимал горло длинными пальцами.

Нет. Она посмотрела на тело матери, пытаясь осмыслить произошедшее. *Нет, нет-нет-нет...*

Камень ударил в плечо, и острая боль, пронзившая тело, заставила ее вернуться в настоящее. И снова она ощутила, как что-то тянет ее, заставляя отвернуться от Ночного зоопарка, – к открытым полям за стеной. Она ощутила, как что-то рвется внутри, словно две стороны вступили в войну и тянут ее в разных направлениях. Неведомое чувство в груди требовало уйти, тело мамы умоляло остаться.

Ум, а не сердце. Сердце, а не ум.

Она повернулась к расстилавшимся перед ней полям лемонграсса.

– Эй, подожди!

Коффи выпрямилась и оглянулась назад. Один из воинов теперь приблизился, не отводя взгляда от нее, как охотник от добычи. Он *охотился*, охотился *на нее*. Она покачнулась на своем насесте, пытаясь не упасть вперед.

Уходи.

В ее сознании звучало лишь одно слово, но оно было непреклонным, оно повторялось, как волны на ровной поверхности пруда.

Уходи.

И тогда она приняла решение – умом, а не сердцем. Внутри все сжалось, когда она спрыгнула с края – к звездам, молясь, чтобы они поймали ее, когда она упадет.

Глава 6. Цвет полуночи

Экон бежал по пустым улицам Лкоссы, а вокруг него неслись Сыны Шести.

Двести восемьдесят два шага от храма Лкоссы, – считал он. – Хорошее число.

Радостный гвалт, который наполнял городские улицы раньше, стих. Оставалось лишь несколько еще открытых лавок, но их хозяева не стали махать пробегающим мимо воинам. Было несложно представить, как они выглядят со стороны – группа одинаково одетых людей, с копьями, сосредоточенно бегущих навстречу неизвестной опасности. Он сжал обмотанную кожей рукоятку ханджари, а пальцами другой руки барабанил по боку.

Двести восемьдесят четыре шага. Двести восемьдесят пять шагов. Двести восемьдесят шесть...

Вскоре они приблизились к Ночному зоопарку, и Экон остановился, когда в поле зрения появился холм, на котором он расположился. Конечно, он *слышал* о зоопарке – все дети Лкоссы слышали истории о его чудесах и ужасах, – но никогда не посещал его и даже не рисковал подходить близко. Он неприятно напоминал тюрьму: высокие кирпичные стены, по меньшей мере в два его роста. Виднелись сполохи золотисто-оранжевого пламени, и даже в нескольких метрах от зоопарка чувствовался едкий запах дыма и горящей травы, от которого слезились глаза. Воины не останавливали бег, пока не добрались до богато отделанных ворот из черной стали. Камау, который возглавлял их группу, остановился перед ними и повернулся. Он выглядел как настоящий каптени.

– Нужно двигаться быстро, – сказал он. – Растения вокруг очень сухие, в особенности в полях лемонграсса. Если огонь дойдет до них, от Лкоссы мало что останется. Нам нужно сдержать его, а затем потушить – будем действовать группами. – Он показал на нескольких опытных воинов: – Вы со мной, будем искать и выводить людей. Начнем с южного конца зоопарка и будем двигаться на запад. – Он посмотрел на вторую группу: – Вы будете бегунами. Берите ведра с водой и несите их туда, где огонь ближе всего к краю, сдерживайте его. Ни в коем случае не позволяйте...

– Камау!

Экон почти пожалел, что заговорил, когда все взгляды воинов обратились на него. Он не мог разобрать, что выражает лицо старшего брата, но все же осмелился договорить до конца:

– Извините... Каптени, как я могу помочь?

Камау уже смотрел в открытые ворота Ночного зоопарка.

– Внутри зоопарка должен быть колодец – этого требует городской устав. Ты, Шомари и Фахим наполняйте ведра водой и передавайте их бегунам. Проследите, чтобы хотя бы одно всегда было наготове.

Экона окатило разочарование. Если он будет мальчиком на побегушках, то вряд ли сможет доказать отцу Олуфеме, что достоин звания воина. Он слишком хорошо понимал, что так и не выхватил свое имя из корзины с мамбами в храме до того, как их прервали, а значит, он – технически – не завершил последний обряд. Если он не докажет, что достоин... Он проглотил комок в горле.

Камау внимательно посмотрел на них.

– В зоопарке есть слуги-невольники – смотрители, – сказал он. – По большей части это джеде, и я не сомневаюсь, что многие из них попытаются сбежать в этом хаосе. Если увидите кого-то из них, по возможности задержите. Они связаны условиями контракта, и им запрещено покидать территорию зоопарка. Вперед!

Он развернулся, и остальные воины-йаба подчинились, двинувшись следом за ним через ворота Ночного зоопарка, на ходу издавая боевые кличи. Как только они оказались внутри, Экон поморщился. Здесь было не просто жарко – жар опалил. Он никогда не задумывался,

каким громким может быть огонь: здесь он ревел, как гром. Вокруг метались и кричали люди в серых туниках – и не только они. Волосы у него на затылке встали дыбом, когда он увидел, как что-то блестящее и чешуйчатое пронеслось мимо с рычанием, источая вокруг себя волны жара. В паре метрах от него еще одно существо, более шерстистое, убегало от растущего пламени. Чудовища Ночного зоопарка вырвались на свободу.

– К колодцу! – Камау взмахнул копьем, описав широкую дугу, – что-то рогатое бросилось на него. Экон увидел, как Камау исчез в клубах дыма.

«Пусть с тобой все будет в порядке, – безмолвно взмолился он. – Пусть с тобой все...»

– Окоджо!

Экон подпрыгнул, когда кто-то пихнул его, и с удивлением и раздражением увидел, что на него смотрит Шомари.

– Шевелись! Колодец вон там!

Экон сдержался и ничего не ответил. Они с Шомари побежали к колодцу, где Фахим уже начал наполнять ведра. Смотрители в отчаянии таскали ведра с водой и пытались залить огонь, но толку не было. Экон без лишних церемоний отобрал ведро у перепуганного старика. Он взглянул на шатер, полностью охваченный пламенем, – вероятно, первоначальный источник пожара. Камау был прав – нужно сдержать огонь, и быстро.

Он опустил ведро в колодец. Вода была едва теплой и застоявшейся, но бегун уже приближался к ним. Как только он передал ведро и наполнил пустое, которое тот бросил к его ногам, приблизился следующий воин, а затем следующий, и следующий. Это была монотонная работа: мышцы рук и спины покалывало, когда он снова и снова наклонялся, передавая наполненные ведра и забирая пустые. Он ощутил ликование, оглядев потушенную территорию зоопарка. Один из очагов пожара, меньший, уже был потушен, и теперь группа воинов сражалась с основным, рядом с огромным шатром. Он по-прежнему осматривался, когда увидел их.

Двое в сером бежали по Ночному зоопарку среди этого хаоса. Один из них оглядывался через плечо через каждые несколько шагов.

Два – плохое число.

У одного из беглецов – это была женщина – голова была покрыта платком, и она казалась достаточно старой, чтобы согдиться ему в матери, а второй, девушке, было примерно столько же лет, сколько и ему. Даже издали Экон видел страх в их лицах – страх тех, кто бежит, спасая жизнь.

Они пытались скрыться.

Экон в тревоге оглянулся через плечо и швырнул в колодец очередное ведро.

– Эй! – крикнул он. – Два беглеца направляются к стене!

Фахим по-прежнему наполнял ведра изо всех сил, но Шомари, услышав его слова, тут же поднял глаза, готовый броситься в погоню.

– Далеко не уйдут.

Он бросил ведро одновременно с Эконом, и вместе они пустились бежать. Они ступали в унисон, и разрыв между ними и убегающими зрителями постепенно сокращался. Младшая из беглянок уже забралась на край стены, окружающей зоопарк. Старшая карабкалась по лозе вслед за ней.

– Они сбегут!

Шомари остановился, снимая с пояса рогатку.

– Нет, не сбегут. – Он поднял с земли камень, опустил на колени, а затем метко выстрелил. Камень взмыл над лужайкой, словно хищная птица, ударил в затылок ту, что постарше, – так сильно, что та упала со стены. Экон поморщился, когда ее тело рухнуло на землю.

– Достал! – Шомари взмахнул кулаком в воздухе, а затем выстрелил снова. На этот раз он попал во вторую беглянку, в плечо. – Еще раз, и я ее...

– Нет! – Экон уже бежал. Девушка на стене обернулась, глядя на них и опасно отклонившись. Его легкие горели из-за дыма, который он вдохнул, и у него начала кружиться голова, но он все равно кричал ей:

– Эй, погоди!

Девушка лишь оглянулась. Экон знал, что она собирается сделать, но все равно вскрикнул, когда она прыгнула в темноту.

– Нет! – Экон остановился на месте, когда Шомари снова нагнал его. – Она прыгнула.

Шомари громко выругался, уже поворачиваясь ко входу в Ночной зоопарк.

– Мы все равно можем ее догнать. Я обойду сзади, а ты займись стеной!

Экон тут же начал действовать – не задумываясь, он бросился к стене. Та смотрительница, которую подстрелил Шомари, неподвижно лежала на траве, но Экон не остановился, чтобы посмотреть на нее. Он схватился за лозу, стараясь как можно быстрее взобраться на стену. Мир вокруг потемнел, когда он добрался до края, на котором несколько секунд назад балансировала девочка. Он спрыгнул так же, как она, приземлившись в грязь по другую сторону стены. Он огляделся и вдруг застыл.

Прошло десять лет с тех пор, как он видел это четвероногое существо, но оно не стало менее ужасающим. Он резко вдохнул. Тварь смотрела на него, озаренная жутковатым красно-оранжевым отсветом пожара по другую сторону стены. Тело у нее было как у льва, кожа обтягивала костлявый остов, бледно-розовая, словно не видела солнечного света многие годы. Экон знал, кто это.

Шетани.

Полсекунды существо рассматривало его, оскалив желтые зубы, густо заполнявшие черную слюнявую пасть. Это было достаточно пугающим само по себе, но Экона пригвоздил к земле не вид зубов существа, дело было в его *глазах*. Они были безэмоциональными – две черные бездны, которые грозили поглотить его целиком. Они лишали его возможности двигаться, делали беспомощным – а в сознании уже поднимался знакомый голос. Он понял, что ничего не может сделать, чтобы его остановить, он даже не мог пошевелить пальцами, чтобы считать.

«Сын. – Папин голос был полон отчаяния, как и всегда. – *Сынок, пожалуйста*».

Сейчас Экон не стоял на границе Великих джунглей, но это было не важно. Казалось, сама суть джунглей настигла его – живой кошмар, извергнутый из самых отвратительных глубин. В одно мгновение он снова превратился в маленького мальчика, который смотрел на монстра, возвышавшегося над телом отца.

«Экон, пожалуйста».

Экон помнил, что папино тело было истерзано, а кругом разлилось слишком много крови.

«Сынок, пожалуйста».

Но Экон не мог пошевелиться, не мог помочь. Шетани смотрело ему прямо в глаза, и он понял, что в конце концов его убьет не это существо, его убьет *страх*. После всех этих лет чудовище по-прежнему управляло им, отравляя тело, как неизлечимая болезнь. Он крепко зажмурился, ожидая, что тварь двинется вперед и прикончит его, а потом...

– Уходи.

Экон вздрогнул и распахнул глаза. Это не был голос его отца или подсознания. Он был тише, мягче. Покосившись направо, он увидел человека, стоящего буквально в метре от него, в темноте, неподвижно, как камень. Девушка. В лунном свете он разглядел, что у нее маленький широкий нос, круглые щеки и слегка заостренный подбородок. Черные кудри обрамляли ее лицо, кончаясь чуть ниже плеч. Она смотрела не на него, а на Шетани, и ее лицо было одновременно выжидающим и спокойным. Она смотрела на существо, словно на что-то смутно знакомое. Экон напрягся, ожидая, что сейчас произойдет нечто ужасное, но Шетани бездействовало. Похоже, оно было так же озадачено поведением девушки, как и он сам. Прошло еще несколько

секунд, а затем Экон ощутил *это*. Сначала ощущение было легким, словно едва слышный гул, будто что-то слегка дрожит под ногами. Оно становилось ощутимым в воздухе, *разогревало* его. А потом девушка повторила, на этот раз громче, увереннее:

– Уходи.

Казалось, ее это удивило не меньше, чем Экона. Прошла еще секунда, а затем Шетани внезапно прыгнуло и скрылось в полях лемонграсса, оставив их наедине.

Оно поняло ее. Экон смотрел туда, где стояла тварь, и пытался осмыслить то, что он увидел. Ему хотелось ущипнуть себя, сделать что-то, чтобы убедиться, что происходящее реально, но он не мог пошевелиться. *Оно послушалось ее*, – понял он. – *Она сказала ему уйти, и оно... послушалось. Оно подчинилось.*

Девушка же по-прежнему не шевелилась. Она вглядывалась в темноту, словно видела что-то, чего он не мог. На какое-то время пространство между ними заполнила долгая тишина, а затем инстинкты взяли верх и Экон шагнул к ней. Его пальцы сомкнулись на ее руке, и девушка дернулась от внезапного прикосновения. Он с удивлением обнаружил, что кожа у нее горячая, почти как у человека в лихорадке. В этот момент, *коснувшись* ее, он ощутил, будто от нее исходило какое-то странное излучение, какая-то вибрация, от которой у него застучали зубы. Ее настороженный взгляд встретился с его, и он какой-то отстраненной частью сознания отметил, что глаза у нее цвета полуночи: по крайней мере, если представить, что у полуночи может быть свой цвет. Его пальцы на ее руке разжались, но он осознал это, только когда она отступила и пустилась бежать. Она была не так уж быстра – он мог бы догнать ее снова, если бы захотел, но не стал этого делать. Экон смотрел ей вслед, пока она не скрылась в зарослях лемонграсса. На мгновение он ощутил облегчение, а потом тишину разорвал голос Шомари:

– Ты *отпустил* ее?

Экон развернулся. Шомари стоял в полуметре от него – он как раз вышел из-за угла Ночного зоопарка. На его лице отразилась нерешительность. Он переводил взгляд с Экона на окрестные поля и обратно. Повисла жуткая пауза, затем Шомари повернулся и бросился бежать.

Нет.

Экон рванул за ним, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. Дым рассеивался, рев огня стал глуше. Похоже, большую часть пожара уже потушили, но Экону было уже все равно. Он думал только об одном. Он не позволит Шомари рассказать о том, что он сделал. Он отпустил эту девчонку-смотрительницу, намеренно отпустил. Если другие воины узнают, если отец Олуфемы узнает...

Он побежал еще быстрее, но толку не было. Они снова оказались внутри Ночного зоопарка и остановились у колодца. К ужасу Экона, там уже стояло несколько Сынов Шести. Они окружали группу людей, сидевших на траве со связанными запястьями. Видимо, это были другие смотрители – те, кто либо не смог убежать, либо не стал пытаться. Их печальные взгляды были обращены на мужчину в дешевом красном дашики, стоявшего в нескольких метрах от них.

– ...убытков на сотни! – говорил тот. – Вы все должны явиться к Кухани сегодня, и я скажу ему, что мне нужны немедленные компенсации и финансовая помощь из запасов храма! Я богобоязненный человек, и я плачу десятину...

– Бааз, вам нужно подать формальную заявку в фидуциарный комитет храма. – Камау говорил рублеными фразами, скосив глаза и едва скрывая отвращение. – Распределение финансов храма не в нашей власти. Пока рекомендую вам заняться спасением того, что осталось. Нам удалось задержать всех смотрителей, которые пытались сбежать...

– Не всех! – Слова Шомари разорвали ночь. Экон увидел, как его приятель-претендент с ухмылкой выступил вперед. – Экон упустил одну.

Все воины вокруг выпрямились, их лица словно окаменели по мере того, как они осознавали слова Шомари. Экон увидел, как глаза стоящего рядом Фахима расширились от ужаса. Бааз Мтомбе, похоже, растерялся. Но хуже всего было выражение лица Камау. Он подошел к Шомари и схватил парня за шиворот. Подтянул его к себе так, что кончики их носов почти соприкоснулись. Когда он заговорил, его голос зазвучал как рык:

– Если ты еще *хоть раз* обвинишь моего брата в подобном...

– К... Камау, это правда. – Лукавый блеск исчез из глаз Шомари, когда пальцы Камау сжались сильнее. – Я своими глазами видел. Он отпустил смотрительницу по ту сторону стены. Она была одета как невольница. Клянусь Шестью!

Камау проследил за трясущимся пальцем Шомари и взглянул на Экона. Ярость, порожденная инстинктивной потребностью защитить младшего брата, исчезла. На ее место пришло нечто другое – потрясение.

– Эkki, – прошептал он. – Это... это же неправда?

Кровь Экона превратилась в лед. До его слуха снова донесся глухой рев, но на этот раз он исходил не от огня. Казалось, его сознание распадается на миллионы частиц, которые он не способен собрать воедино под выжидающим взглядом брата. Все инстинкты велели ему соврать, но признание вырвалось у него прежде, чем он успел сдержать его:

– Это правда.

Он отдал бы все, чтобы не видеть, как исказилось лицо брата. Нет слов, чтобы это описать. Это было столкновение разочарования, отвращения и отчетливой боли, какая бывает, когда видишь, как что-то ломается – что-то, что уже никогда не станет целым. Никто из остальных воинов-йаба не осмелился заговорить, тишину нарушал лишь тихий треск последних очагов пламени.

– Ты хочешь сказать, – возмущенно произнес Бааз, – что теперь Сынам Шести можно невозбранно нарушать закон? – Он посмотрел на Камау: – Скажи мне, в какой комитет мне обратиться насчет...

– Молчать.

Все повернулись в ту сторону, откуда донесся голос – голос, который Экон, ради всех богов и богинь, предпочел бы не слышать. Мир будто замедлился, когда отец Олуфемии шел по дымящейся земле Ночного зоопарка. Его губы были напряжены, лоб угрюмо нахмурен.

– Этот юноша – не воин, – сказал он. – Но он *будет* наказан.

Пальцы Экона плясали, словно обладая собственной волей, лихорадочно барабанили по ноге.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Он попытался сжать руки в кулаки, чтобы успокоить их, но на него смотрело так много людей, что это было невозможно. Кажется, прошло столетие, прежде чем отец Олуфемии остановился в паре метров напротив него. Неподвижно глядя вперед, он заговорил:

– Претендент Окоджо. – Его голос был чересчур тихим. – Вы преднамеренно допустили побег невольника, находящегося в услужении на законных основаниях, и таким образом похитили у человека долг, который причитается ему справедливо и честно. Это преступное деяние и прегрешение. Ни тому, ни другому нет места среди Сынов Шести.

Экон не отвел глаз, стоя под обжигающим взглядом отца Олуфемии, но боковым зрением заметил, как остальные воины наблюдают за ним, и их отвращение становится ощутимым в едком ночном воздухе. Среди них формировалось и вырастало единодушное, пусть пока и невысказанное решение. Пальцы Экона двигались так быстро, отбивая счет, что у него начали болеть суставы.

Раз-два-три-раз-два-три-раз-два-три.

Отец Олуфемии сложил руки в тот же момент, когда Камау отвел взгляд. Экон понял, что сейчас произойдет, за секунду до того, как святитель озвучил это.

Семнадцать слов – плохое число.

– Экон Окоджо, – тихо сказал он, – с этого момента ваше пребывание среди Сынов Шести окончено. Вы больше не претендент. Вы свободны.

Глава 7. Ритм и мелодия

Коффи наблюдала за тем, как расколотое небо бледнеет по мере того, как ночь уступает рассвету.

Несколько хрупких секунд она оставалась такой же отстраненной, как облака, подвешенной в пространстве между кошмарами и снами, где реальность не могла дотянуться до нее. Это продлилось недолго: воспоминания о прошлой ночи скоро настигли ее.

Потом она вспомнила *глаза*.

Они были непроницаемо черными и накрепко отпечатались в ее сознании. Она помнила ощущение, будто падает, после того как прыгнула со стены Ночного зоопарка. Помнила, как приземлилась на ноги в грязь и споткнулась. Когда она выпрямилась, она оказалась лицом к лицу с монстром – и не просто *каким-то* монстром.

Шетани.

Она мгновенно узнала его. В детстве она часто слышала сказки о нем, но ничто не подготовило ее к истинному облику. Существо, которое она узрела, было соткано из кошмаров – масса сырой розовой кожи, туго обтягивавшей сухожилия и кости. Она представила острые, как ножи, зубы и лохматый хвост и то, как каждый из черных изогнутых когтей вонзается в землю, когда чудовище напрягает лапы. Возможно, его привлекла суматоха пожара в Ночном зоопарке, возможно, оно явилось за чем-то еще. Она была уверена, что оно убьет ее, а потом...

– *Уходи.*

Слово сорвалось с губ – шепотом. И снова она ощутила это странное покалывание в ступнях, словно ее пронзила какая-то волна.

– *Уходи.*

Она не была уверена, почему повторила команду. Она просто почувствовала, что так нужно. И снова, вопреки разуму... Шетани *подчинилось*.

Она представила, как оно отступает, исчезает в ночи, и попыталась припомнить другие детали. Кто-то тут же схватил ее – парень, которого она не заметила раньше, – но через какое-то время он отпустил ее, она воспользовалась возможностью и бросилась бежать. То же самое притяжение, которое она ощутила в зоопарке, вело ее через поля лемонграсса, а высокие кирпичные стены зоопарка становились все дальше, а ей навстречу открывались окраинные трущобы Лкоссы. С каждым шагом она все лучше попадала в ритм, монотонный барабанный бой, который вел ее ноги, поднимался к ребрам, пока и сердце не начало звучать в такт.

Тум-дум. Бе-ги. Тум-дум. Вне-ред.

Это притяжение вело ее по извилистым улицам, которые воняли гнилью и протухшей едой, пока она не нашла укрытие в особенно узком переулке, заполненном старыми ящиками, за которыми можно было спрятаться. Теперь она уселась за ними, подтянув колени к подбородку.

Пошевелившись, она ощутила острую боль под ключицей – болезненное напоминание о камне, который попал в нее. Она прикусила губу, заставляя слезы отступить. Она *не станет* плакать, решила она – не здесь. Заплакать сейчас – значит выпустить на волю что-то, открыться потоку, который она, возможно, не сможет укротить, высвободив его однажды. Ее желудок сжался, когда она попыталась сдержать одновременно два разных вида боли, не позволяя ни одному из них пожрать ее. Через несколько секунд одна боль отступила, но вторая осталась.

Мамы больше нет.

Это осознание пришло к ней не так, как она ожидала, – оно не было глобальным и подавляющим. Скорее оно накатывалось на нее волнами, и каждая была страшнее предыдущей, нарастая, пока Коффи не потеряла способность чувствовать хоть что-либо. Они с мамой были

так близки, так близки к совершенно другой жизни. Она вспомнила надежду, которую видела в глазах матери, когда та рассказала, что они скоро смогут уйти.

– *Мы можем пойти куда захотим, – сказала она. – Ты и я, мы покинем это место и начнем все сначала где-нибудь еще, и мы никогда, никогда не оглянемся назад. Мы никогда не вернемся.*

А оказалось, что эта мечта даже не выбралась за пределы стен Ночного зоопарка.

Коффи смотрела на руки, по-прежнему завернутые в полоски ткани, которые мама оторвала от своей туники, чтобы помочь дочери забраться на стены. Коффи поморщилась, увидев их. Эти две драные полоски ткани были буквально частицами ее мамы – единственным, что от нее теперь осталось. Чем дольше она смотрела на них, тем сильнее обретали форму новые истины. Мама понимала, что кто-то из них может не суметь выбраться из Ночного зоопарка, поэтому она последовала материнскому инстинкту и велела Коффи лезть по стене быстрее. В итоге ее жертва решила все, но эта жертва была не единственной. Коффи внезапно вспомнила все мелкие мгновения, все моменты, когда мама делилась с ней едой, которой не хватало, или укрывала ее своим одеялом в холодные ночи. Даже прошлой ночью, перед побегом, мама была готова принять наказание, которого не заслужила, и отдать свою свободу, чтобы Коффи не пришлось отдавать свою. Мама всегда поступала так, всегда ставила других выше себя. Она никогда не получала ничего в ответ на это, а теперь никогда и не получит.

И это все твоя вина.

Коффи отшатнулась, когда в сознании прозвучало это язвительное обвинение. Опустошенность – э то одно, но вина ранила, словно нож. Ничего из того, что случилось прошлой ночью, не произошло бы, если бы она не забыла проверить шлейку Дико. Взорвавшаяся свечка, огонь, последствия пожара, все это – из-за одной небрежности. Она вспомнила, как выглядело мамино лицо в секунды перед тем, как взорвалась свеча, о том, что она сказала, когда они бок о бок выбежали из Хемы.

Если Бааз поймет, что ты сделала, поймет, кто ты, ты никогда отсюда не уйдешь.

Теперь Коффи сосредоточилась на этих словах, позволяя им звучать в голове снова и снова. Мама знала что-то о ней, но *что именно?* Что-то значительное случилось прошлой ночью, какая-то нить связала ее, Шетани и это странное чувство в ступнях, но она не понимала природу этой связи. Она ощутила еще один укол боли, когда поняла, что это не важно. Это странное чувство, чем бы оно ни было и что бы его ни вызывало, исчезло. Правда о нем, наверное, погибла вместе с мамой.

Все мышцы Коффи протестующе застонали, когда она заставила себя подняться на ноги, собирая те остатки решимости, которые у нее еще остались. Ноги болели, туника стала липкой, волосы наверняка расплелись. Но Коффи стиснула зубы с новой решительностью. Она не может оставаться в этом переулке. Последний дар матери – второй шанс для Коффи, и этот дар нельзя потратить впустую. Сидеть здесь и ждать, пока что-то случится или кто-то ее найдет, – явно не вариант. Ей нужно *двигаться*.

Ее глаза слезились, приспосабливаясь к солнечному свету, когда она медленно выбралась из трущобных переулков. Улицы Лкоссы, казалось, только-только начинали оживать, наполняясь людьми, которые выходили из домов, расставляли товары для дневной торговли. Коффи показалось, что видеть это своими глазами очень странно. А ведь именно отсюда она на самом деле была родом – когда-то ее семья жила в городе, прежде чем перебраться в Ночной зоопарк, – но прошли годы с тех пор, как она сама ходила по этим улицам в последний раз. Это было очень странно – ощущать, что какое-то место – твой дом, но при этом совсем не знать его.

Она тихо прошла по улицам, стараясь мысленно составить карту. Казалось, у каждой части Лкоссы есть свой стиль и характер. Она прошагала по улице, которая пахла льном и мылом, затем по другой, где были развешаны вяленое мясо и шкуры животных, и по еще одной, с ремесленниками и горшками. Каждый раз, открывая что-то новое и неожиданное, она видела,

как город оживает. Красная земля под ногами, казалось, пела без слов, а запахи, окружавшие ее, складывались в неповторимый аромат. Она была по-прежнему уставшей, по-прежнему на пределе, но что-то в этом городе успокаивало ее. Она осознала, что он не походил на Ночной зоопарк – у Лкоссы были собственные ритм и мелодия. Она закрыла глаза и прислушалась к тому, как люди шли по улицам, к хору продавцов, выкрикивавших цены клиентам, к звуку марширующих ног...

Она распахнула глаза. Этот *новый* звук, марш, явно отличался от утреннего городского гвалта. Она настороженно осмотрелась и поняла, откуда он доносится. С другого конца на улицу повернули три молодых человека, идущих строем друг за другом. На них были голубые кафтаны с золотыми поясами, с которых у каждого свисал кинжал-ханджари. Несколько продавцов уступили идущим дорогу, но большинство обращало на них мало внимания. Коффи застыла на месте. Это были Сыны Шести, возможно, те же, которые хозяйствовали в зоопарке. Они выглядели угрожающе, *властно*, как люди, привыкшие к подчинению. Ни один из них не посмотрел на нее, проходя мимо, но она все равно присела, спрятавшись за тележкой с фруктами, и подождала, пока они не пройдут дальше по улице. Гнев горячил ее кровь, когда она смотрела им вслед и вспоминала ночные события. Два воина гнались за ней и мамой, преследовали их, как животных. Она прикусила нижнюю губу так сильно, что ощутила вкус крови, и стояла так, пока воины не исчезли из вида. Сам их вид был неприятным напоминанием.

Она была беглянкой.

Сбежав из Ночного зоопарка, она нарушила свой контракт с Баазом – тот, который она и ее родители подписали много лет назад. Значит, она нарушила закон. То, что она совершила, считалось воровством и дезертирством, и если ее поймут, то избьют палками, посадят в тюрьму или еще что похуже. Она инстинктивно оглянулась, и от свежего укола тоски у нее перехватило дыхание. Мамы рядом не было. Никого не было. С этого момента ей придется разбираться со всем самой. Она прижала пальцы к вискам, стараясь думать. *Думай*. Мама сказала ей той ночью кое-что еще, что-то о том, что нужно *думать*. Коффи попыталась вспомнить эти слова.

Но иногда нельзя позволять сердцу вести тебя. Нужно думать головой.

И теперь Коффи решила, что поступит именно так. Она *будет* думать головой, она придумает план. Они с мамой когда-то мечтали покинуть Лкоссу, и она это сделает.

Она выберется отсюда.

* * *

Солнце поднималось выше, утро продолжалось, так что каждая трещинка городских улиц и зданий излучала жар. В конце концов Коффи нашла общественный колодец, где смогла помыться. У нее не было сменной одежды, так что она просто вылила на себя несколько ведер воды, но, по крайней мере, избавилась от грязи и приставшего запаха дыма. Без масла ши и хорошей расчески с волосами невозможно было справиться, но она хотя бы попыталась. На ходу выжимая одежду, она дошла до конца одной из улиц и остановилась.

Лкосса была с виду как пирог – круг, нарезанный на толстые ровные куски, – а это должен быть ее центр. Ничего подобного она раньше не видела. Шатры всех форм, размеров и цветов были поставлены рядом, так близко друг к другу, что она едва могла различить, где кончался один и начинался другой. Она вдохнула, и ее легкие наполнились тысячей запахов одновременно. Она ощущала, как варится суп эгуси – густой, с луком, помидорами и свежим перцем, – а еще банку и рисовый джолоф. Женщины с подведенными сурьмой глазами порхали вокруг тележек с разноцветными горшками, а бородатые мужчины в экстравагантной одежде торговались за раскрашенные вручную ткани, которые трепал ветерок. Эта картина была одно-

временно ошеломляющей и восхитительной. Коффи была так захвачена ею, что не замечала ничего вокруг, пока не споткнулась.

– Ох, извините, я...

Она вздрогнула. Она не заметила женщину, которая сидела на одеяле. Это была старуха, перед которой были разложены блестящие безделушки: браслеты из бусин, сережки-кольца, несколько заколок с драгоценными камнями, но взгляд Коффи остановился на шести деревянных фигурках, разложенных полукругом на середине покрывала – журавль, крокодил, шакал, змея, голубь и бегемот, – символах фамильяров Шести богов.

– Ничего страшного, милая. – Старуха скромно улыбнулась ей. Ее туника была такой же простой с виду, как и одеяло, а белые кудри выбивались из-под хлопкового платка. Потрепанный амулет свисал с шеи. – Меня легко не заметить. – Она проследила за взглядом Коффи и кивнула на фигурки: – Ты верующая?

– Да. – Коффи сглотнула жесткий комок в горле. Фигурки, явно вырезанные из хорошего дерева марула, были совсем как те, которым они с мамой молились буквально вчера. Теперь казалось, что это было в другой жизни. – Очень красивые, – прошептала она.

– Спасибо, дорогая. – В голосе старухи прозвучала нотка гордости, и Коффи расслабилась, узнавая текучий говор женщины. Они общались на замани, но старуха явно была из джеде, как и она сама. Из уважения Коффи склонила голову.

– Доброе утро, тетушка, – сказала она, используя вежливое обращение к старшей.

– Ах. – Темные глаза старухи заплясали. – И тебе доброе утро, птичка. Боги добры сегодня, раз свели нас вместе. – Она более пристально посмотрела на Коффи. – Ты худая. – Это был не вопрос, но и не обвинение. – Ты голодна?

– Я...

Прежде чем Коффи успела ответить, старуха принялась копаться в сумке, стоявшей рядом. Она вытащила завернутый в ткань хлеб. От одного только запаха рот Коффи наполнился слюной.

– У меня тут более чем достаточно, если ты не против разделить его...

– М... – Коффи замялась. Она по-прежнему была осторожной, ведь ей стоило опасаться незнакомцев, но... мама как-то рассказывала ей о правиле рода. Никогда не отказываться от хлеба, если его предложил другой джеде. Кроме того, она умирала от голода. Словно прочитав ее мысли, старуха разломила хлеб пополам, не говоря больше ни слова. Коффи села рядом с ней на одеяло и принялась есть. Она едва сдержала стон. Еще никогда еда не заставляла ее плакать, но этот хлеб был таким вкусным, что наворачивались слезы. Казалось, что с каждым кусочком к ней возвращается частица ее самой и она оживает. Подняв взгляд, она увидела, что старуха наблюдает за ней.

– Ты, похоже, слишком мала, чтобы ходить на рынок одна, – отметила она.

Коффи выпрямилась.

– Мне восемнадцать, – соврала она. – Мне можно.

Старуха подняла седую бровь:

– Правда? Я бы, пожалуй, дала тебе *шестнадцать*.

Коффи была благодарна темному цвету кожи за то, что он скрывал ее смущение. Она показала на безделушки, разложенные на одеяле, надеясь сменить тему:

– И по сколько они на самом деле продаются? – спросила она.

– О. – Старуха смахнула крошки с коленей и оперлась спиной на здание, у которого они сидели. – Думаю, зависит от покупателя. Я принимаю монеты, разумеется, но иногда согласна и на бартер.

– *Бартер*? – Коффи повторила слово. Оно казалось смутно знакомым, но она не могла вспомнить, когда слышала его в последний раз.

– Это означает *обмен*, – пояснила старуха. – Одну вещь меняют на другую той же ценности.

Коффи посмотрела на нее:

– И ты тут этим тоже занимаешься, меняешь одно на другое без денег?

Старуха улыбнулась:

– Конечно. Все можно обменивать, если знать истинную цену.

Коффи на мгновение прислонилась к стене, обдумывая эти слова. Сколько она себя помнила, они с мамой всегда жили одинаково. Каждый день они зарабатывали какую-то сумму, а потом использовали ее, чтобы оплатить долг. Мысль о том, что за вещи можно платить иначе, с помощью *обмена*, казалась ей совершенно чуждой. Она не могла перестать думать об этом, а ее взгляд блуждал по лежащим на одеяле предметам, постоянно задерживаясь на одном. Это было серебряное кольцо, с первого взгляда достаточно простое, но драгоценный камень в его центре выглядел восхитительно. Он напомнил ей опал, но был светлее и непревзойденно красив. Внезапно она почувствовала, что ее тянет к нему. И снова старуха проследила за ее взглядом.

– Ах да, камень дуниа, – понимающе сказала она. – Это скромная вещь, но она привлекает взгляд. На прошлой неделе ее собирались купить несколько человек, но никто не оказался достоин.

Коффи помолчала.

– Ты сказала... камень дуниа.

– Именно. – Теперь глаза женщины блестели. – Ты слышала про него?

– Конечно, в сказках. – Коффи вспомнила, что мама рассказывала ей о камнях дуниа в детстве. Считалось, что они поднимаются из самого сердца земли и встречаются только в ... – Ты бывала на равнинах Кусонга, – сказала она вслух.

Старуха кивнула:

– Бывала.

Коффи уселась поудобнее, прислонившись к стене. Она совсем недавно сбежала из Ночного зоопарка, впервые с тех пор, как они с родителями стали невольниками Бааза, так что ей казалось невозможным представить что-то настолько далекое, как равнины Кусонга. Она была почти уверена, что Бааз никогда не забирался настолько далеко. Она смотрела на женщину, которая успела произвести на нее впечатление.

– Каково там?

– О, там прекрасно, – ответила старуха. – Там есть поля лемонграсса, которые тянутся на многие километры, а у еды вкус как в раю. – Она задумчиво закрыла глаза. – Я представляю, что божественные земли окажутся примерно такими же, если мне повезет туда попасть. Это и правда место чудес. – Она приоткрыла один глаз и посмотрела на Коффи. – И место магии.

Коффи фыркнула, не успев сдержаться, а затем попыталась замаскировать смех кашлем. Старуха открыла второй глаз и сжала губы.

– Не веришь в магию? – спросила она.

– Ну... нет, – сказала Коффи. – Магии не существует. Это просто сказки.

Теперь старуха выглядела оскорбленной.

– И кто тебе сказал такую чушь?

– Моя... – Коффи еле собралась с силами, чтобы закончить. – Моя мама.

– Уфф! – Старуха скрестила руки на груди и потянула носом. – Ну, твоя мама *довольно-таки* сильно неправа.

Коффи посмотрела на свои руки. Когда она заговорила, ее голос был еле слышен:

– Моя мама умерла.

– Ох.

Коффи подняла взгляд и увидела, что выражение лица старухи изменилось. Лицо стало четко очерченным, а глаза наполнились печалью. На мгновение показалось, что ей не хватает слов.

– Я... очень сочувствую тебе, маленькая, и жалею, что так случилось, – пробормотала она. – Я знаю, каково это – потерять любимого человека.

– Это... – Коффи умолкла. Она собиралась сказать, что все в порядке, такой ответ казался ей вежливым, но в то же время это было бы ложью. Все было не в порядке, *она* была не в порядке. Она не знала, будет ли она в порядке когда-либо. Прошло еще мгновение, и старуха заговорила снова:

– Уверена, мама говорила тебе то, во что верила сама, – более мягко сказала она. – Но ты должна знать, что магия не всегда заточена на страницах сказок. В другие времена она была здесь, реальная, как воздух, которым мы дышим.

Коффи села.

– Правда?

Старуха кивнула.

– В таких городах, как Лкосса, когда-то она была частью повседневной жизни. Люди использовали магию, чтобы исцелять больных и раненых, чтобы защищать наши границы, и ей даже учили детей. Ее могли унаследовать и йаба, и джеде, и тех, кому она доставалась, обучали служители храма Лкоссы. Таких людей называли дараджами.

Коффи нахмурилась.

Мама совершенно точно не рассказывала ей ничего такого. Она осмотрелась по сторонам, стараясь представить, как выглядел бы этот город, если бы магия проглядывала из-под его поверхности. Искрилась ли она или была невидимой? Опасной или совершенно обыденной? Было сложно это даже представить.

– Что с ней случилось? – спросила она.

Старуха подняла взгляд, посмотрела куда-то в суету рынка, глядя словно сквозь него.

– *Разрыв.*

– Разрыв? – повторила Коффи. – Какое отношение землетрясение имеет к магии?

Старуха пристально посмотрела на нее.

– Ты, конечно, слышала об этом, – сказала она. – Истории о разрывах в земле и небе, о волнах жара, который сжигал тела целиком. Я достаточно стара, чтобы помнить об этом, и, могу тебе сказать, это было ужасно. Никто до сих пор не знает, из-за чего случился Разрыв, но после него все в Лкоссе изменилось. Люди перестали воспринимать дарадж как полезный ресурс и начали видеть в них угрозу. Год за годом их изгоняли, выслеживали, как...

– Как животных, – закончила Коффи. – И так магия была потеряна.

– Не потеряна. – Глаза старухи сверкнули. – *Скрыта.*

Коффи нахмурилась:

– Скрыта?

Старуха начала раскачиваться из стороны в сторону.

– Многие дараджи бежали из Лкоссы, когда ощутили, что здесь больше не безопасно, но я уверена, что магия по-прежнему остается в городе *и что* есть и те, кто способен ею управлять, даже если они сами этого не знают.

Коффи не ответила. Она подумала о том, что случилось в Хеме, о том, что она тогда ощутила. Она вспомнила чувство свободы, когда взорвалась свеча, свои липкие руки, мамины слова.

Если Бааз поймет, что ты сделала, поймет, кто ты...

Когда-то в городе существовала магия, и люди были способны ее использовать. Мысль о том, что она может оказаться одной из таких людей, казалась невозможной, но... Другого объяснения тому, что она сделала, не было. Вся жизнь вела ее к вере в определенные принципы,

но было и то, о чем мама ей никогда не рассказывала, то, что она прятала от нее. Почему? Сколько она знала? Коффи рассматривала свои руки.

– С тобой все хорошо, дорогая?

Коффи подняла взгляд. Старуха теперь смотрела на нее куда более внимательно. Коффи стало почти что неуютно. Она медленно поднялась на ноги и встряхнулась.

– Спасибо вам большое за хлеб, – поблагодарила она. – Вы были очень добры.

Старуха наклонила голову:

– Я тебя расстроила, девочка?

– Нет. – Коффи осознала, что ответила слишком поспешно, но не стала ничего добавлять.

На самом деле она едва могла понять, как себя чувствует. Она была уставшей, растерянной, даже рассерженной. Почему мама не рассказала ей правду? Почему она все это время держала дочь в неведении? Она откашлялась, осознав, что старуха по-прежнему смотрит на нее. – Просто... Думаю, я уже потратила достаточно вашего времени.

– Глупости, – женщина отмахнулась. – Мне понравилась твоя компания, и *на самом деле*... – она показала на безделушки, – мне как раз не хватает помощницы. Тебе интересно такое предложение?

Коффи помолчала – эти слова застали ее врасплох. Предложение было щедрым и невероятно привлекательным, но... что-то по-прежнему останавливало ее. Всю жизнь она полагалась на других, которые определяли ее путь, помогали ей понять, какой шаг будет следующим. Если она хотела научиться, как выживать в этом мире, ей нужно начать прокладывать путь самой.

– Спасибо. – Она склонила голову. – Но... мне надо идти.

– Очень хорошо, малышка. – Старуха кивнула, и в ее голосе снова зазвучала печаль. – Знай, что предложение остается в силе, и я надеюсь, что когда-нибудь боги снова сведут нас. Береги себя.

Коффи оглянулась в последний раз и двинулась дальше по извилистым дорожкам рынка.

* * *

Когда Коффи ступила на улицы Лкоссы, жизнь в городе еще только закипала, но пока она разговаривала со старухой, город проснулся по-настоящему. Улицы, по-прежнему уставленные лавками, казались еще более многолюдными. Здесь так тесно, что было невозможно идти, никого не толкнув. Кто-то, пробивавшийся через толпу, врезался в нее справа; кто-то другой крикнул, чтобы она смотрела, куда идет. Больше не было прекрасного ровного ритма: чем дольше Коффи оставалась здесь, тем более оглушенной себя чувствовала. Она снова вспомнила о старухе, которая спокойно, почти задумчиво сидела на одеяле с безделушками. Странное дело – прошло только несколько минут, но ей уже было сложно вспомнить, как именно выглядело лицо женщины. Их встреча все больше походила на сон, хотя Коффи была абсолютно уверена, что она произошла на самом деле. Она сосредоточилась на словах женщины, на ее предложении, и ощутила сожаление. Это была щедрая возможность, но она отказала, не особо задумываясь. И снова она просто отреагировала, вместо того чтобы пораскинуть мозгами.

«Стать ее помощницей – это была бы хорошая работа, – произнес голос в голове. – У тебя был бы стабильный доход, может, даже шанс выбраться из Лкоссы».

Старуха сказала, что раньше бывала на равнинах Кусонга. Возможно, она планировала вернуться туда. В голове Коффи начал быстро складываться план. *Да.* Она вернется и найдет старуху, примет ее предложение. Может, она освоит какое-то новое ремесло, и, может, старуха расскажет ей еще больше о магии. Что-то толкнуло ее в спину, когда она застыла посреди дороги, но ей было все равно. У нее был план, путь вперед, *надежда*. Она развернулась, чтобы отправиться туда, откуда шла.

А затем чья-то ладонь зажала ей рот.

Коффи вздрогнула. В горле поднимался крик, хватка напавшего становилась все крепче, и в шуме толпы никто не услышал ее приглушенный возглас. Еще одна большая ладонь схватила обе ее руки мертвой хваткой и завела за спину. Ее оттащили в сторону от дороги. Она поежилась, услышав тихий смешок, а потом ощутила знакомый запах пряного одеколona, и ее кровь похолодела.

– *Привет, Коффи,* – сказал Бааз Мтомбе.

Глава 8. Знаток судеб

Когда Экон вернулся в храм Лкоссы, здание уже было окутано рассветным туманом.

Он смотрел на старинную постройку, на величественную алебастровую лестницу, которая светилась в утреннем свете. В ней было двадцать семь ступенек – теоретически, хорошее число.

Больше ничего хорошего в последних часах не было.

Большую часть ночи он бродил по пустым городским улицам, до помрачения считая шаги.

Всего он успел насчитать *семьдесят пять тысяч шестьсот двадцать один шаг*.

Ходьба помогла ему на некоторое время оттянуть неизбежное, но теперь солнце уже выглядывало из-за горизонта на востоке. Он больше не мог избегать того, что принесет ему день.

Он вошел в те же двери, что и прошлым вечером, но вместо того, чтобы идти по коридору в молитвенный зал, пошел наверх, к общежитию. Там было тихо в этот час – за закрытыми дверями спали остальные претенденты. Он прошел по коридору к последней двери справа и, вздохнув, открыл ее.

На самом деле эту комнату нельзя было назвать спальней в полном смысле слова. От стены до стены было чуть больше двух метров по длинной стороне, а в воздухе всегда висел слабый запах плесени. Мебель была скудной: узкая кровать, обшарпанная тумбочка, сменивший несколько владельцев сундук для одежды и книг. Что-то сдавило грудь, когда он осмотрелся. После того, что случилось сегодня, это больше не его спальня – ему не разрешат оставаться в храме. Позже, сегодня утром, Фахим и Шомари переберутся в более просторные и уютные покои, предназначенные посвященным Сынам Шести, *а он...* Он понял, что не знает точно, куда отправится. Они с Камау выросли в храме. Дома их семьи уже не существовало – его продали вскоре после смерти папы. Этот дом принадлежал той главе его книги жизни, которую уже успели вырвать, – той главе, в которой жила его мать. Когда он подумал о ней, его пронзила раскаленная добела боль. Он больше не мог в подробностях вспомнить ее лицо. Когда она ушла однажды ночью, ему было всего четыре года. В воспоминаниях остались лишь мимолетные образы – медные глаза, короткие курчавые волосы, родимое пятно на плече, – но они не задерживались надолго. Это заставляло его изо всех сил цепляться за то, что он все же мог вспомнить, например серебряные браслеты, сверкавшие на солнце, сладкий запах, который он знал, но никак не мог описать. Что бы подумала мама, если бы узнала, кем он стал?

Он снова услышал голос отца Олуфеми.

С этого момента ваше пребывание среди Сынов Шести окончено. Вы больше не претендент. Вы свободны.

Каждое слово поражало, как стрела, пронзая мякоть его эго. Он не просто потерпел провал – его исключили на виду у всех воинов. За одну ночь он погубил наследие своей семьи, которое передавалось из поколения в поколение. Он не пойдет по стопам папы и Камау. Он *не докажет*, что он настоящий мужчина.

Он плюхнулся на матрас, ощущая, как колючие перья, которыми он набит, впиваются в спину, и устался в потолок, пытаясь понять, как вышло, что все пошло не так. Произошедшее ночью прокручивалось в его памяти секунда за секундой, сливаясь в единое целое, как страницы в книге. У одной был загнут уголок.

Та девушка.

Даже сейчас от мыслей о ней у Экона закипала кровь. В конце концов, катастрофа, которая случилась прошлой ночью, была *ее* виной. Но потом... возникло еще одно чувство – некомфортное, трудно идентифицируемое. Что-то вздрагивало внутри, когда он вспоминал ее глаза,

которые казались странно светлыми той ночью. Они были карие, как у него, но... в них таилось что-то, какое-то сияние, словно два уголька, остывающие в очаге. Он не один час пытался ее забыть, но потом...

Ты ее упустил.

Обвинение, произнесенное Шомари, свернулось у него внутри, как скисшее молоко, оставив неприятный привкус во рту. *Почему?* Это был единственный вопрос, на который он не мог найти ответа, когда в одиночестве бродил по улицам города. *Почему ты ее отпустил?*

Когда он думал о девушке, ему приходилось вспоминать и о событиях, которые произошли прямо перед тем, как он ее отпустил. О том, как он увидел в темноте еще одну, иную пару глаз. И *те* глаза не были ни карими, ни теплыми – они были холодными, черными, бесчувственными. Они принадлежали существу, которое было ему знакомо.

Шетани.

Его пробрала дрожь. Прошло десять лет с тех пор, как он в последний раз видел это существо, но другие не знали об этом. Он помнил страх, который ощутил, когда увидел его снова, и то, как это чувство парализовало его. Прежние образы снова вернулись, как незваные гости. В мыслях вспыхивали воспоминания о Великих джунглях, крови на листьях; он представлял лианы, покрытые шипами. Он видел мертвое тело, которое выглядело совсем как...

Нет.

Экон тряхнул головой, едва замечая, что пальцы снова начали свой танец.

Раз-два-три.

Он видел папино лицо.

Раз-два-три.

Он видел зубы Шетани.

Раз-два-три.

Он видел девушку.

Он прищурился. Эта девушка, кем бы она ни была, сказала Шетани уходить. И существо немедленно *подчинилось*. Он никогда не видел ничего подобного. Шетани было первобытным монстром, убившим бесчисленное количество людей. Оно должно было убить и их обоих, но оно не сделало этого. Оно сделало нечто противоположное. В его мыслях крутился все тот же вопрос.

Почему?

– Экон?

Кто-то негромко постучался в дверь его спальни, и Экон сел на кровати. Дверь открылась. Вошел худощавый старик, призрак с улыбкой на изможденном лице. Его кожа каштанового цвета была покрыта морщинами и пятнышками, словно он принимал возраст как приятеля, а не как недруга. Экон поморщился. В хаосе прошлой ночи он совсем забыл о брате Уго.

– Я надеялся тебя застать. – Старик слабо кивнул ему в качестве приветствия. – После утренней молитвы я пошел сюда как можно быстрее, но эти старые ноги попросту уже не те. – Он приподнял край балахона. Он был темно-синим, такой же искусной работы, как у отца Олуфемы, но на его костлявой фигуре сидел намного свободнее. – З наешь, последнее время у меня в них будто мальки под кожей ползают.

– Мальки? – Экон прищурился. – *В ногах?*

– Да. – Брат Уго почесал белую бороду и нахмурился, разглядывая ноги. – Любопытная штука. Можно сказать, у меня в икрах проблема. – Он поднял взгляд и улыбнулся. – Понял, да? Потому что из икры выводятся...

– Вы же не серьезно.

– Ну *извини меня!* – Брат Уго показал на него костлявым пальцем, делая вид, что страшно обиделся. Экон ощутил укол боли, заметив, что легкая дрожь в перевитой варикозными венами

руке старика стала заметнее. – Я помню, как ты любил мои шутки, когда был маленьким мальчиком!

Экон попытался проглотить жесткий комок, поднимающийся в горле, и нарастающую снова боль. Брат Уго был самым старым в братстве храма и совсем не таким, как отец Олуфем. Старик был для Экона наставником и всегда вступался за него. Экон смущенно опустил голову.

– Я хотел бы поговорить, – сказал брат Уго уже более мягко. – Пожалуйста, давай пройдемся.

В молчании Экон последовал за наставником. Они вышли из комнаты, прошли по каменным коридорам храма. Они шли медленно – брат Уго был уже не так быстр, как когда-то, – но со временем добрались до коридора, который вел в библиотеку. Экон решил, что они идут именно туда – большая часть уроков, когда он был младше, проходила там, – но в глазах брата Уго мелькнуло озорство, и он резко повернул направо.

– Может, нам сегодня стоит пойти куда-то, где *посвободнее*... – пробормотал он. Подойдя к непримечательной двери, он отпер ее. Заглянув внутрь, Экон с удивлением обнаружил, что то, что он всегда считал просто кладовкой для метел, на самом деле скрывает узкую, уходящую вверх лестницу. Он удивился еще сильнее, когда брат Уго уверенно зашагал вверх. Экон двинулся следом. Они подошли к люку в потолке, и старик толкнул деревянную крышку плечом. На них внезапно пролился поток золотого света, и брат Уго выбрался вверх с неожиданной гибкостью. Экон повторил его движения и высунул голову в люк. И застыл, потрясенный.

Вокруг них расстился круглый сад – Экон никогда не видел ничего подобного. Он был невелик – Экон прикинул, что сможет обежать его по периметру меньше чем за минуту, – но почти каждый квадратный сантиметр был покрыт цветами. Роскошные розы, тюльпаны на длинных стеблях, даже красно-золотые огненные линии, недавно расцветшие, поднимались над темной блестящей почвой, словно порождения неземного рая. За низкими стенами садика виднелись крыши городских зданий. Судя по всему, они оказались на одной из самых высоких точек храма.

– Что?.. – Он осмотрелся. – Что *это за место*?

– Его называют небесным садом, – радостно ответил брат Уго. Он на несколько секунд закрыл глаза и улыбнулся – воплощенное выражение удовлетворения. – По моей информации, такие площадки когда-то были весьма популярны среди знати, хотя я с печалью отмечаю, что за последний век или около того они вышли из моды.

Экон восхищенно рассматривал это место. Присмотревшись к земле, он заметил, что сотни крошечных грядок были расположены так, чтобы казалось, что цветы растут прямо из камня. Искусство создателей сада впечатляло.

– Я... понятия не имел, что здесь есть такое.

– Честно говоря, большинство и не знает, – произнес брат Уго. Он многозначительно посмотрел на Экона. – И я бы предпочел, чтобы *так и осталось*, честно говоря. Один старый друг показал мне это место много лет назад, и с тех пор это одно из моих любимых мест в городе – отлично подходит для медитации и для наблюдения за птицами!

Он подошел к длинной каменной скамье в центре сада, уселся и похлопал ладонью по месту рядом с собой. Несколько минут они просидели в тишине, прежде чем Экон почувствовал на себе взгляд брата Уго.

– Хочешь поговорить об этом?

– Не очень.

– Предполагаю, прошлой ночью все прошло не так, как ты надеялся.

– Это была *катастрофа*. – Экон потерял виски. – Абсолютный непрекращающийся кошмар.

Взгляд брата Уго переместился на растущую перед ними белую розу с шипами.

– *«Кошмары преследуют нас, как хищные звери, но исчезают при свете дня».* –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.